

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

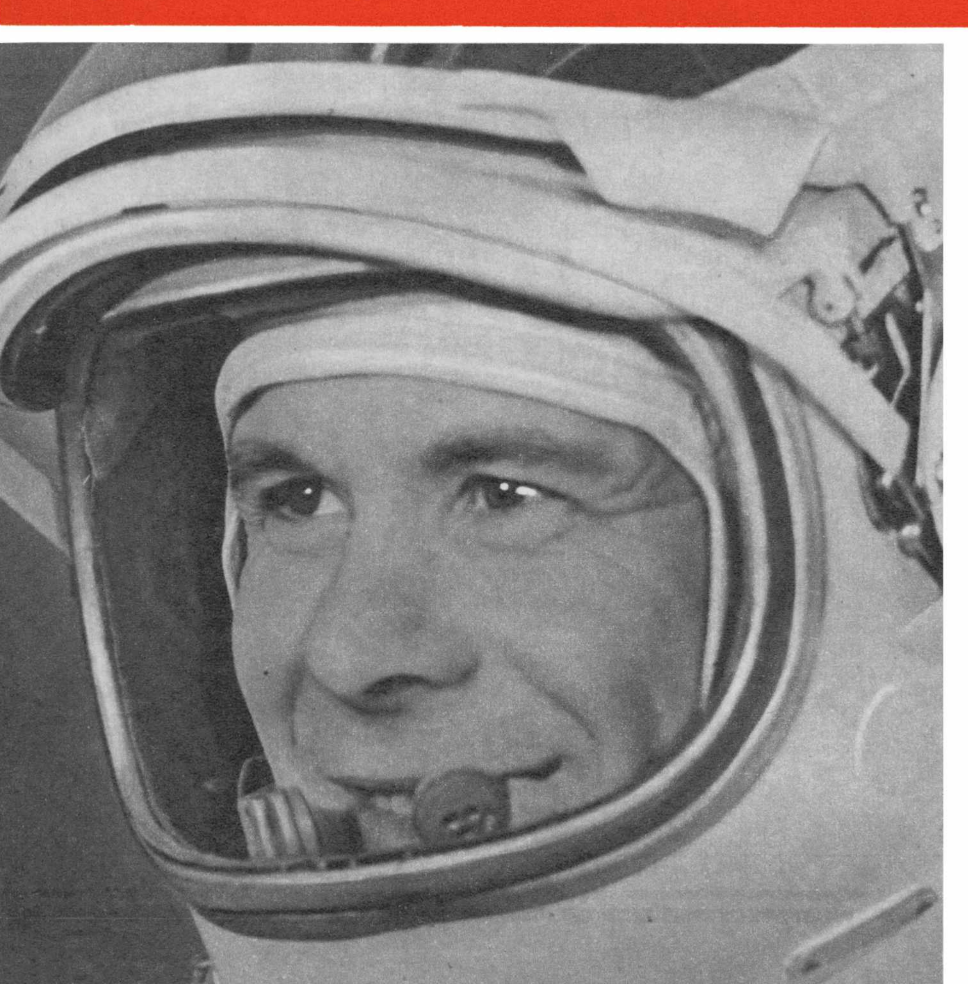
В. А. ШАТАЛОВ

Б. В. ВОЛЫНОВ

СЛАВА ГЕРОЯМ!

Е. В. ХРУНОВ

А. С. ЕЛИСЕЕВ

ДОРОГА В КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ ОТСЮДА. ЭТО СТАЛО ТРАДИЦИЕЙ: ПЕРЕД ОТЛЕТОМ НА КОСМОДРОМ КОСМОНАВТЫ ПРИХОДЯТ В КРЕМЛЬ, В КВАРТИРУ-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА.

Ученым и конструкторам, инженерам, техникам и рабочим, всем коллективам и организациям, участвовавшим в подготовке, запуске и успешном осуществлении стыковки пилотируемых космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5» и перехода впервые в мире во время орбитального полета двух космонавтов из одного корабля в другой.

Советским космонавтам, товарищам ШАТАЛОВУ Владимиру Александровичу, ВОЛЫНОВУ Борису Валентиновичу, ХРУНОВУ Евгению Васильевичу и ЕЛИСЕЕВУ Алексею Станиславовичу

Дорогие товарищи!

Начало 1969 года ознаменовано новым выдающимся достижением советской науки и техники в деле освоения космического пространства. Вслед за осуществленными запусками автоматических межпланетных станций «Венера-5» и «Венера-6» успешно завершен замечательный полет четырех советских космонавтов на кораблях «Союз».

Космические корабли «Союз-4» и «Союз-5», пилотируемые космонавтами Шаталовым В. А. и Волыновым Б. В., в процессе орбитального полета осуществили взаимный поиск, многократное маневрирование, причаливание и стыковку. После осуществления жесткой стыковки кораблей космонавты Хрунов Е. В. и Елисеев А. С. в скафандрах с автономными системами жизнеобеспечения перешли через космическое пространство из корабля «Союз-5» в корабль «Союз-4». Затем корабли были расстыкованы и после завершения полетов возвращены на Землю в заданные районы.

В продолжение всего полета аппаратура и системы кораблей работали надежно, что обеспечило успешное выполнение программы научно-технических исследований и экспериментов.

Героические экипажи кораблей полностью выполнили все задания.

Этот впервые в мире выполненный эксперимент в космическом пространстве имеет важное значение для дальнейшего развития пилотируемых полетов и создания орбитальных станций, которые позволят в дальнейшем решать широкий круг научных и народнохозяйственных задач.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи Шаталов В. А., Волынов Б. В., Хрунов Е. В. и Елисеев А. С., с успешным осуществлением космического полета и выполнением сложного и ответственного задания.

Поздравляем ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, все коллективы и организации, участвовавшие в подготовке, запуске и успешном осуществлении стыковки пилотируемых космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5» и перехода впервые в мире двух космонавтов из одного корабля в другой во время орбитального полета.

Слава советским космонавтам, прокладывающим новые пути в космос!

Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим, создающим новые космические корабли!

Слава Коммунистической партии Советского Союза — вдохновителю и организатору всех побед советского народа!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2169)

25 ЯНВАРЯ 1969

Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза
Президиуму Верховного Совета Союза ССР
Совету Министров Союза ССР

Сердечно благодарим за теплые поздравления по случаю успешного завершения космического полета на кораблях «Союз-4» и «Союз-5».

Выражаем сыновнюю признательность за то высокое доверие, которое было оказано нам в осуществлении космического полета.

Заверяем ленинский Центральный Комитет Коммунистической партии, родное Советское правительство, весь советский народ, что, пока бьются наши сердца, мы все силы, знания и опыт отдадим делу процветания и укрепления могущества нашей любимой Родины.

Летчики-космонавты:
ШАТАЛОВ В. А., ВОЛЫНОВ Б. В., ХРУНОВ Е. В., ЕЛИСЕЕВ А. С.

18 января 1969 года. Космодром.

МОСКВА, 22 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА. СТОЛИЦА НА

Фото А. Бочинина
и А. Гостева

ШЕЙ РОДИНЫ ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЕВ КОСМОСА

«Но ни одна планета
Не ждет нас так, как эта...»

Первые минуты на Земле. Летчики-космонавты Е. В. Хрунов, В. А. Шаталов, А. С. Елисеев.

Фото А. Пахомова («Правда»).

Сыны России

Владимир ФЕДОРОВ

Кто в космос
Устремится завтра?
Скорее радио включай!
За каждым
Новым космонавтом
Встает его родимый край.

Встает их город,
Их поселок,
Любимые,
Учителя,
Родные,
Смех друзей веселых,
Вся неоглядная земля.

Встает простор
Степной, суровый,
Встает дремучая тайга,
Раздолье поля Куликова
И тихоструйная Ока.

Такая синь,
Такая сила,
И ветра свист,
И звон крыла!
Ты две руки,
Моя Россия,
Сегодня в космосе сплела.

Б. В. Волынов. «Самочувствие отличное!»

Фото А. Пахомова («Правда») и А. Моклецова (АПН).

Космос становится ближе

Интервью «Огонька»

Новый эксперимент комментирует академик В. В. ПАРИН

Космос становится ближе. И это без преувеличений. Последние месяцы буквально перенасыщены событиями: прошло совсем немного времени, как мы встретили на Земле командира космического корабля «Союз-3» Георгия Тимофеевича Берегового; совсем недавно проводили в далекий и ответственный путь межпланетную станцию «Венера-5», а вдогонку ей послали новую — «Венеру-6».

У всех еще в памяти сдержанная улыбка Берегового и тот момент, когда он, вернувшись на Землю, с бесхитростным радушием раздавал преподнесенные ему цветы девушкам, а из полета уже вернулся его дублер, летчик-космонавт Шаталов Владимир Александрович. И это символично, это героическая эстафета, продолжать которую предстоит еще не одному поколению живущих на Земле! И те, кто присутствовал в эти минуты на космодроме и кто на экранах телевизоров наблюдал за запуском мощной ракеты-носителя с кораблем «Союз-4», не могли, наверное, не заметить непривычную для нас взволнованность Георгия Тимофеевича Берегового, произносящего напутственные слова своему бывшему дублеру,— взволнованность человека, продемонстрировавшего во время работы великолепную деловую сдержанность и, я бы сказал, чуть насмешливое спокойствие.

И это волнение остающихся на Земле не случайно. Громадная работа коллектива ученых, инженеров, техников и рабочих, испытателей и летчиков-космонавтов держит сегодня свой очередной экзамен. И волнение это — законное волнение, идущее от чувства радости и доброго беспокойства, чувства удовлетворенности за проделанную работу и ожидания исхода мужественного эксперимента. Волнение — это добрые нити, связывающие людей Земли с теми, кому доверен полет.

Что ожидает человека и что нужно ему в космическом пространстве? Какие трудности и какие опасности подстерегают его?

На первых шагах мы прежде всего боялись одиночества и чувства изоляции, отделенности от всего мира, нас пугали перегрузки и мало-испытанная невесомость. Но уже первые космические полеты показали, что существенных влияний факторов полета, способных разоружить человека перед лицом стихии, нарушить его работу в космосе, нет. Незначительные отклонения от нормы, что наблюдались у каждого космонавта в начале полета, исчезают при адаптации организма в процессе полета и его активной деятельности.

Что же касается влияния изоляции и «сенсорной депривации», то есть ограничения или полного исключения чувственных восприятий человека, то здесь, как показывает опыт, космонавту предстоит готовить себя не столько к обеднению жизненно необходимых ему раздражающих стимулов, сколько к противоположной реакции: к большой нервно-психической нагрузке и к огромному подчас эмоциональному напряжению.

А если говорить о чувстве изоляции, то достаточно вспомнить необыкновенное чувство связи с Землей, которое так четко продемонстрировал нам Владимир Александрович Шата-

лов в первых же своих прямых телевизионных репортажах с борта корабля «Союз-4». Вредные последствия изоляции человека в космосе изучены и изучаются физиологами и психологами, и на Земле делается все, чтобы человек не испытывал чувства своей оторванности от людей. Ведь изоляция воспринимается человеком не только в психо-физиологическом плане, она имеет характер и социальный — как одиночество человека по отношению к обществу людей.

Командир корабля «Союз-4» слышит голос с Земли: «Амур! Я Заря! Наблюдаем вас, видим хорошо...» А люди на Земле на телевизионных экранах видят, как спокойно и даже несколько буднично отвечает космонавт: «Начинаю репортаж с борта космического корабля... Я нахожусь на рабочем месте командира корабля. Две телекамеры установлены снаружи космического корабля, с их помощью...» И вот вы уже не можете отделаться от чувства, что В. А. Шаталов чувствует себя добросовестным экскурсоводом в кругу тесно обступивших его «посетителей» космоса...

Да, летчикам-космонавтам, ведущим свои корабли в неизведанные глубины Вселенной, долго еще придется исполнять эту почетную роль наших первых экскурсоводов и репортеров. Но главное, ради чего устремляется человек за пределы земного тяготения,— работа. В будущем человеку предстоит не только высаживаться на иные планеты, испытывая непривычные для него, но все же «планетные» ощущения. Человеку предстоит строить орбитальные станции и обсерватории, создавать промежуточные пункты ремонта и подзарядки для кораблей дальних космических рейсов. Человек должен быть готов, наконец, и к аварийной смене поврежденного, предположим, соударением с метеоритом корабля.

Да, и к этой работе в космосе человек тоже должен быть готов. Вот почему ученые, инженеры и техники, медики и биологи, представители самых различных специальностей и направлений уделяют столько внимания изучению малейших факторов, которые могут в той или иной степени повлиять на самочувствие человека и его работоспособность, а значит, и на исход космического эксперимента. Сохранение различных сторон жизнедеятельности организма и высокой работоспособности в полете — ответственнейшая задача космической медицины.

Опыт исследований в космосе и в специальных условиях на Земле убеждает нас в существовании огромных, так называемых компенсаторных, возможностей организма, раздвигает их границы, доказывает, что человеческий организм способен приспособляться к самым различным условиям. Мне, как медику, хочется заметить, что освоение космоса способствует не только созданию и разработке точных количественных методов в клинической практике, но и вызывает становление новой философии медицины, рассматривающей живой организм в его диалектической связи с окружающим миром.

Сегодня любой полет в космос уже не просто исследовательский эксперимент — это отличная тренировка и, скорее можно сказать, отработка рабочих операций непосредственно в космическом пространстве. И потому важными являются такие волнующие эксперименты, как выход космонавта из кабины корабля в безопорное пространство и стыковка двух кораблей.

Лишь четырнадцатого января мы наблюдали репортаж Владимира Шаталова с борта корабля «Союз-4», слышали его уверенный голос: «В иллюминатор вижу Землю! Самочувствие отличное!..» И уже на следующий день мы благодаря телевидению наблюдали за выходом на орбиту нового многоместного корабля «Союз-5» с командиром корабля Волыновым Борисом Валентиновичем, с бортинженером, кандидатом технических наук Елисеевым Алексеем Станиславовичем и инженером-исследователем Хруновым Евгением Васильевичем. Устанавливается двусторонняя связь между кораблями и Землей. Затем начинается автоматическое сближение кораблей, расстояние сокращается до ста метров. Владимир Шаталов берет на себя ручное управление кораблем. Он осуществляет маневрирование, и вот мы уже слышим совсем земное слово, неожиданное для нас в космосе: «Причаливание!» Успешно осуществлена ручная стыковка кораблей. На орбите искусственного спутника Земли таким образом была собрана и начала функционировать первая в мире экспериментальная космическая станция с четырьмя отсеками для экипажа, которые способны обеспечить выполнение большого комплекса экспериментов и исследований, а также комфортные условия для работы и отдыха. В ходе этого же полета орбитальной станции впервые в мире был осуществлен переход двух космонавтов из одного корабля в другой.

Известно еще из опыта авиации, что даже такая рабочая операция в воздухе, как дозаправка самолета топливом, когда имеется реальный риск столкновения с носителем горючего, требует немалых нервных усилий пилота. Пульс у обучающихся доходит при этом до ста шестидесяти, а у опытных пилотов он может находиться в пределах ста двадцати — ста сорока!

Надо ли говорить, насколько сложно и напряженно выполнение маневра сближения и стыковки кораблей на орбите? Здесь на космонавта ложится огромная эмоциональная и психо-физиологическая нагрузка.

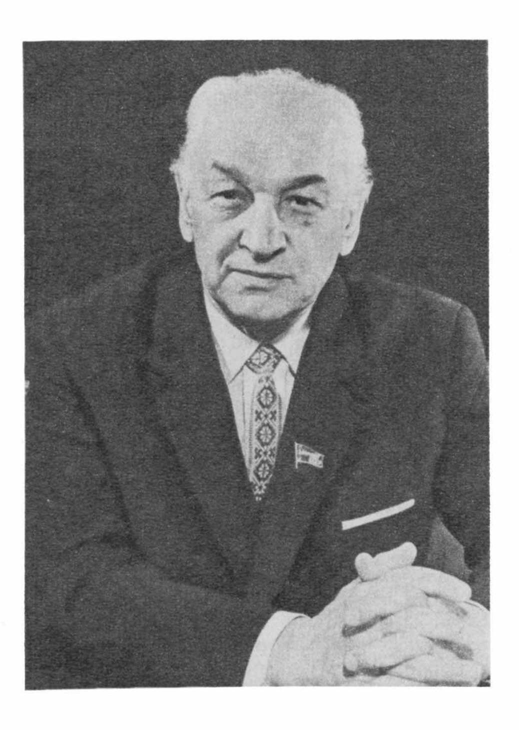
Выход человека из кабины корабля во время его движения по орбите, совершенный впервые в мире Алексеем Леоновым, был сопряжен (как все новое) с вероятностью неожиданных встреч в безопорном пространстве. Поражал сам факт выхода человека в космос, его свободное парение во Вселенной.

Алексей Леонов испытывал себя в удалении и подходе к кораблю, совершая и отрабатывая свои движения во время столь необычной прогулки. Космонавта, в частности, подстерегает на этом пути такая опасная вещь, как возможное «закручивание» тела в пространстве — нечто аналогичное штопору, в которое может попасть в воздухе самолет, лишившись управления. В результате неосторожного движения тело может начать разворачивать, например, вбок и назад, как это испытал на себе Леонов. Это связано с известным риском при подходе к кораблю или при попытке возвращения в кабину. Благодаря специальной наземной тренировке космонавт довольно быстро справился с этой опасностью, стабилизировав свое положение в пространстве.

Будущим «небесным монтажникам» придется иметь в руках инструменты и гайки, отдельные предметы и целые узлы. И ясно, что они должны научиться маневрировать и перемещаться в безопорном пространстве с одного космического корабля на другой. Они должны выполнять любую рабочую операцию, будь то простое закручивание гайки или перемещение каких-то узлов космической станции. А ведь любое движение, связанное хотя бы и с таким усилием, как отбрасывание поврежденной или ненужной гайки, может самого рабочего отбросить в противоположную сторону.

Но вот что не менее интересно. Если в момент выхода в свободное пространство пульс Леонова возрос скорее от чувства необычности творящегося, от чувства радости, когда он торжествующе закричал командиру своего корабля Беляеву: «Вижу свет!» — то сам Беляев испытывал, судя по данным телеметрических наблюдений, не меньшее, чем Леонов, нервно-эмоциональное напряжение. Его самочувствием управляла колоссальная ответственность за проведение каждой операции, неточность выполнения которой могла создать серьезную опасность для участников эксперимента.

И потому простительно нам, оставшимся на Земле, волнение, что испытывали мы за тех, кто находился в очередном космическом рейсе!

ВРЕМЯ, БОРЬБА, ПОЭЗИЯ

К 70-летию со дня рождения Ю. И. Палецкиса

Как гласит предание, великан Джюгас вырыл котловину для озера Мастис, насыпал семь холмов и построил на них город Тельшяй, который часто называют столицей Жемайтии, северо-западной части Литвы.

В этом зеленом, всхолмленном озерном и равнинном крае 22 января 1899 года родился Юстас Палецкис. От отца, старозаветного жемайтийца, и матери, которая не только пела, но и записывала дайны, Юстас получил представление о Литве и ее народе. Он прошел три класса начальной школы, один класс гимназии, а затем занимался самообразованием. Любовь к книге, к знаниям сыграла огромную роль в жизни Юстаса Палецкиса. А жизнь его была многотрудной.

С 1915 года Юстас Палецкис — типографский, а затем железнодорожный рабочий, а далее — плотник, конторский служащий, учитель. Он рано втягивается в общественную жизнь. Как выражение этого все усиливавшегося интереса к общественной жизни появились и стихи Юстаса Палецкиса. Так однажды июньским днем 1917 года он записал четверостишие (привожу в прозаическом переводе): «Славная Отчизна, тебе мы отдадим все силы, и тем самым мы обретем тебя могущественной». Это было для автора клятвой.

Стихотворчество Юстаса Палецкиса помогало его общественно-политической работе, а жизнь профессионального революционера вдохновляла на стихи, рождавшиеся сами собой. Автор никому их не показывал, ибо «сам не верил, что эти скромные стишки чего-то стоят».

Ранние тетради и блокноты погибли. Осталось только то, что можно было отыскать в прессе того времени. Так, в 1919 году в газете «Борьба рабочих», выходившей в Риге на литовском языке, Юстас Палецкис, вдохновленный победой революции в Латвии и Литве, поместил стихотворение «Надежда на будущее». Он работал в редакции этой газеты сперва переводчиком с латышского и русского (кстати, он переводил материалы конгресса Коминтерна), затем стал печатать здесь свои стихи и стихотворные переводы (под именем Жемайтаниса). Это продолжалось до 22 мая 1919 года, до занятия Риги немецкими войсками. Пять коротких советских месяцев закончились долгой местью оккупантов. Юстас Палецкис в эту пору не раз бывал на волосок от смерти.

Журналистикой продолжает заниматься Юстас Палецкис и после переселения в Каунас. Здесь же он поступает на гуманитарный факультет университета. Но всем занятиям наукой и литературой кладет предел 17 декабря 1926 года — фашистский переворот в Литве. Палецкиса выгоняют со службы: был он директором телеграфного агентства, становится корреспондентом латышской газеты. С 1931 года он ведет активную антифашистскую борьбу, устанавливает связь с коммунистическим подпольем. Это определяет характер его дальнейшего жизненного пути.

Первая книга стихов и стихотворных переводов Юстаса Палецкиса «В плену дней» выходит

Борис Волынов на тренировке.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

в 1932 году. В следующем, 1933 году — после первой поездки в Советский Союз — он выпускает книгу очерков «СССР — нашими глазами», затем серию автобиографических заметок «Письма к друзьям-самоучкам», книгу «Последний царь», где говорит о событиях в России, подразумевая события в Литве.

Восстановление Советской власти в Литве (1940 год) и Отечественная война застают Юстаса Палецкиса в ряду видных государственных деятелей. Его работа у всех на виду и на памяти.

Послевоенные стихи Юстаса Палецкиса собраны в книге 1953 года «Возрождение». Отдельные сборники его выходили в Вильнюсе и в Москве. Читатели знают многочисленные его статьи и заметки, печатавшиеся в газетах и журналах.

Как стихотворец, Юстас Палецкис задачу перед собой ставил прямую и простую — доходчивость и действенность. Его стихи в фарватере революционной поэзии Литвы, ее откровенной публицистичности. Эти стихи — речь на митинге, тексты в боевом листке, призыв на демонстрацию. Их агитационное и просветительное значение очевидно. Юстас Палецкис — общественный деятель в поэзии и поэт в общественной деятельности Это не два рода работы, это разные проявления одной одаренной личности.

Через сердце поэта, государственного и общественного деятеля Юстаса Палецкиса прошли громы и грозы нашего времени. Поэтому они и вошли в его стихи. Революции, войны, изгнание, борьба, победа, большие расстояния, потеря близких друзей — и всегда вера, непреклонная вера в будущее, несмотря ни на что, вопреки всему. Для того, чтобы в этом убедиться, надо взять в руки стихи и — читать.

Лев ОЗЕРОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Николай ПАСТУХОВ

Наконец-то после долгих проволочек переговоры по Вьетнаму официально открылись. Парижская авеню Клебер стала мирной передовой линией вьетнамского народа.

Знакомясь с первыми сообщениями из Парижа, я попытался мысленно проследить те пути, которые привели участников переговоров в Дом международных конференций Франции.

Для американцев, вне всякого сомнения, это был путь военных поражений, финансовых потрясений и величайшего национального позора. Передо мной один из последних номеров органа американских монополистических кругов — журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Восьмая страница открывается символичной фотографией, присланной из Южного Вьетнама: три винтовки воткнуты штыками в землю, на прикладах висят каски погибших солдат. Живые скорбно склонили головы. Рядом с фотографией цифровая таблица потерь американской армии: 1962 год — убито — 42, ранено — 43. 1968 год — 14,5 тысячи убито и около 47 тысяч ранено. Комментарии, как говорится, излишни...

Вскоре после Женевской конференции 1954 года, гарантировавшей мир и свободу странам Индокитайского полуострова, мне довелось посетить Калькутту и стать свидетелем того, как начиналась тогда еще никому не ведомая трагедия. Когда над Бенгалией опускались августовские тропические сумерки, к калькуттскому аэродрому «Дам-Дам» незаметно подкрадывались американские «Скаймастеры». Они высаживали странных пассажиров — парней, стриженных под «бобрик», в одинаковых штатских костюмах. Автобус отвозил их на улицу Чуринга, в гостиницу «Гранд отель», где они буйно проводили ночь за столиками кабаре «Таверна», а утром на тех же «Скаймастерах» исчезали... в неизвестном направлении. После того, как это направление стало достоянием прессы, Дели закрыло дальнейшие полеты «Скаймастеров». Так Джон Фостер Даллес воровски переправлял в Сайгон первых посланцев вооруженных сил США. Так начинался путь во Вьетнам шумных американцев. А вот к чему это привело через пятнадцать лет, довольно удачно высказал один тихий американец, занимавшийся в течение ряда лет социологическими аграрными исследованиями в Южном Вьетнаме: «Они ненавидят нас. Они всегда улыбаются, очень вежливы и следят за тем, чтобы не сказать ничего лишнего. Но, бог мой, как они нас презирают!» Именно всеобщие ненависть и презрение сделали авантюру Пентагона во Вьетнаме бесперспективной...

Путь южновьетнамских марионеток США оказался еще более тернистым. Те, ради спасения которых американцы вторглись на пробудившуюся к новой жизни землю, уже давно перестали быть политической и даже физической реальностью. Последние их представители, Тхиеу и Ки, пришли в ужас, когда их заставили пойти на парижские переговоры. Правда, Тхиеу и Ки немного приободрились после недавнего назначения главой американской делегации в Париже Генри Кэбота Лоджа, занимавшего до последнего времени пост посла США в Бонне и дважды бывшего на этом посту в Сайгоне. Не случайно новое амплуа Генри Кэбота Лоджа вызвало восторг сайгонской прессы, назвавшей его «нашим человеком в Париже». Время покажет, оправдает ли Лодж это доверие.

Что касается ДРВ и НФОЮВ, то их путь в Париж — это путь овеянных славой двадцати пяти лет национально-освободительных битв. Мир еще не знает всех подробностей о бесчисленных актах героизма вьетнамского народа. Об этом поведают миру писатели, поэты и историки гордой страны. Под миллионами тонн бомб всех видов, включая самые варварские, сброшенных на Вьетнам, обуглились джунгли, вздыбилась клочьями гневная земля, сгорели дотла мирные крестьянские хижины, превратились в скелеты городские строения, но остались живы славные сыны и дочери вьетнамского народа. В пламени борьбы на свет появилось новое поколение вьетнамцев, которое всю свою сознательную жизнь не расставалось с винтовкой и гранатой и для которого слово «мир» все еще остается абстрактным понятием.

Эта беспримерная борьба вызывает восхищение всего мира, пользуется горячей братской поддержкой Советского Союза и других социалистических стран, воодушевляет народы Азии, Африки и Латинской Америки.

...Идут парижские переговоры. Все, кому дорог мир, ждут от них конкретных позитивных итогов и вместе с тем поддерживают бескомпромиссную позицию делегаций ДРВ и НФОЮВ, в основе которой лежат четыре пункта правительства Демократической Республики Вьетнам и пять пунктов Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама. Эта позиция абсолютно справедлива, так как она наиболее полно выражает коренные национальные права вьетнамского народа и находится в строгом соответствии с правильным политическим урегулированием вьетнамской проблемы.

Народы не обмануть никаким маневрированием Вашингтона и Сайгона на переговорах в угоду «ястребам», чьи мечты продолжить грязную войну до «победного исхода» — миф и только миф, как это неумолимо доказали годы президентства Линдона Джонсона. Реально лишь одно — последовательное движение к миру, каким бы трудным оно ни казалось на первый взгляд.

Альтернатива — мифы или реальность — сейчас, как никогда, остро стоит перед новым президентом США Ричардом Никсоном.

Красный хлебороб — село привольное, широкое.

Фото А. Гостева.

Красный хлебороб

Юрий ГРИБОВ

Село называлось несколько необычно: Красный хлебороб. Окруженное высокими березняками, по отлогому взгорью сбегало оно вниз, к луговой равнине, где прятались в камышах две небольшие речки — Иланка и Тамала. Что-то уж очень нарочито новое слышалось в названии села, и я подумал, что раньше, наверное, было тут какое-нибудь Недоелово, Неумытово или еще почуднее: повсюду ведь теперь заменяются неблагозвучные, обидные имена деревень.

Но оказалось, что селу немногим более сорока лет, и зовется оно так всегда, с самого основания. Ехавшая с нами в машине Татьяна Александровна Кравченко, секретарь Иланского райкома партии, рассказала много интересного об этих местах, подчеркнув, что и колхоз здешний, известный на всю Сибирь устойчивыми урожаями пшеницы, называется, как и село, «Красным хлеборобом» и что самая распространенная фамилия в Красном хлеборобе тоже, между прочим, хлебная — Ячменевы. Ячменевы — создатели первой коммуны и колхоза. Ячменевы — на фермах. Ячменевы — в тракторном парке. В полевых звеньях — они же, Ячменевы. И в списке бойцов, ушедших из села на фронт и сложивших головы на войне, тоже больше всех Ячменевых...

Рассказ Татьяны Александровны побудил меня отложить поездку на лесной кордон, куда три дня уже собирался, и остаться в Красном хлеборобе, чтобы повидать Василия Елисеевича Ячменева, старейшину этой крестьянской фамилии.

Василия Елисеевича, или просто Елисеича, как по-домашнему все его здесь называют, найти сразу не удалось. Колхозник Павлихин сказал, что Елисеич, должно быть, у трактористов или на складе, где сортируют зерно, а партгрупорг Фомин послал в Дом культуры. И каждый, с кем я заговаривал о Ячменеве, счел нужным заметить: таких работящих людей, как Елисеич, и нет, поди, во всем крае. Это не так просто — заслужить подобную похвалу в деревне.

Формально Ячменев давно уже на пенсии. Но знают об этом разве только в райсобесе. Он как вставал всегда по-крестьянски, с рассветом, так и сейчас встает, выполняя любое задание бригадира или партгрупорга, дружка своего Тимофея Ивановича Фомина. В партию Елисеич вступил сорок лет назад. С тех времен и поныне он все такой же боевой, исполнительный. Проведет, когда надо, с комсомолом беседу, сходит с ревизией в дальнюю бригаду, обмерит стога, выступит на собрании...

А выступает он частенько. Придет в клуб заранее, задолго до начала собрания и обязательно в новой рубахе. Сядет у подоконника, чтобы весь зал был виден, и, когда накал страстей достигает высшей точки, кричит, поднимая руку: «Минуточку, товарищи, минуточку!»

На трибуне Елисеич держится просто, бумажки при себе не имеет, но говорит грамотно, с юмором и все свои речи, какой бы ни была повестка дня, заканчивает словами, полными заботы о земле. А когда распалится, ругает нерадивых бригадиров, трактористов и вообще всех, кто на родных полях, по его мнению, не проявляет крестьянского рвения. Было время, когда Елисеича обзывали травопольщиком, грозили, что закатят по «партийной линии», но дальше угроз дело не шло, потому что осенью, когда крупное отборное зерно с его участков поступало в амбары, он во всем оказывался прав.

Работал Елисеич много лет полеводом — была в колхозе такая должность, нечто вроде агронома. Пропадал в полях с утра до ночи. И всегда пешком, с брезентовой сумкой на боку. В сумке у него лежали разные квитанции, документы о кондиции семян, колоски, завернутые в тряпочку, кусок хлеба, луковица. Дали ему как-то велосипед, но он от него вскоре отказался: не везде, мол, на нем проедешь, да и сажень деревянную, с которой он не расставался, неудобно на велосипеде возить.

Сейчас в колхозе много ученых специалистов, но опыт Елисеича, его крестьянский талант ценятся, как и прежде. Сам председатель Борис Константинович Толасов, человек образованный, с дипломом, депутат Верховного Совета СССР, обращается иногда к Елисеичу: где лучше сеять, когда, какими семенами. Но если бы к нему и не обращались, он все равно сам, как только сойдет снег, пришел бы в правление, в поле. Без него не начинается сев, и уже все привыкли видеть его веснами у тракторов, у мешков с протравленной пшеницей. В распахнутом плаще, с открытой белой головой провожает он радостным взглядом тракторные сцепы, мнет в ладони теплую влажную землю, смотрит на зыбкое марево, на суматошных, крикливых грачей. Иной раз не дают ему никакого наряда, пускай, мол, старик отдохнет, но где там, разве Елисеич усидит дома, обязательно работу сыщет.

Вот и сегодня, разыскивая старика по селу, увидели мы его возле фермы. Ему, оказывается, надо было по просьбе бригадира присмотреть за подвозкой кормов, узнать, как поедают коровы позднее луговое сено. Елисеич по-молодому легок, быстр, уши солдатской шапки, несмотря на изрядный мороз, завязаны у него наверху, слова сыплет бойко, с хитроватой улыбочкой. Таким я его и представлял, этого неутомимого Елисеича.

— Значит, к истории села интерес имеете? — переспрашивает он.— Вон она, история, вся как на ладони. Каждый дом и каждый сарай — история...

* * *

В здешние березовые рощи Елисеич с товарищами пришел изпод Ирбея. Было их тогда немного: Григорий Мартынов, Тарас Горбачев, Игнат Крюк, Павел Ковалев, Митрофан Михайлик да Ячменевых четверо — Игнат, Иван, Захар и Василий. Они слышали про эти красивые места, плодородные пустоши и решили организовать здесь коммуну. Кроме топоров, трех ружей, пары худых лошадей, мешка с семенами да старого плуга, не было у них тогда никакого имущества.

Жили сначала в одной землянке. Корчевали кустарник, питались дичью, которой было тут великое множество, варили на костре жидкий пшенный кулеш. Когда появилась первая обработанная полоска земли, Василий Елисеевич Ячменев, самый старший из них, спросил:

— Ну, что, мужики, как назовем коммуну и село наше?

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «50 ЛЕТ ВЛКСМ».

Н. Касаткин. КОМСОМОЛКА-ПИОНЕРВОЖАТАЯ. 1925.

С. Рянгина. КРАСНОАРМЕЙСКАЯ СТУДИЯ ИЗО. 1928.

— Ты что, Елисеич? — удивились друзья.— Какое село? Ни одной стены пока нет. Медведь давеча единственную нашу сараюшку, дьявол, своротил, мешок с зерном разорвал, а ты — село...

— Будет село. Вот по этой поляне и раскинется. Ну так как назовем его?

Передавая друг другу окурок, коммунары долго молчали. Яркий огонь костра освещал их осунувшиеся, заросшие лица, было слышно, как внизу на лугах тревожно ревела выпь.

— Я так думаю, братцы,— подал голос Тарас Горбачев.— Поскольку мы коренные хлеборобы, значит, и в названии должно быть наше, крестьянское...

Так родился Красный хлебороб. По Кунгусу, Агулу и Кану доставили потом коммунары плотами свои избы, скотину и утварь, у кого она была, построили общежитие, вывесили перед входом красный флаг. И этот флаг и то, что крестины и свадьбы справляли коммунары без попа, и то, что работали, не признавая пасхи и святой троицы, и вообще вся коммуна, весь ее уклад и порядки уж очень сильно гневили богатеев из Далай-Отреза, Черниковки и Котиков. Напившись самогона и разодевшись по случаю какого-нибудь праздника, выходили они на дорогу и орали, размахивая кольями:

— Эй вы, коммунары голоштанные! Хоть все жилы из себя вытянете, а голоду вам не миновать! Бей их, антихристов, ребята, круши!

Но не так-то просто было испугать бывших партизан и красноармейцев. Они вооружались чем попало и смело шли на обидчиков, обращая их в бегство. В общежитии потом вспоминали подробности «боя», смеялись, мечтали о том времени, когда Красный хлебороб всему Красноярскому краю будет известен. У Василия Елисеевича была тогда немудрящая гармошка, и он растягивал ее, запевал «Волочаевские дни», «Бежал бродяга с Сахалина», шутил, хотя веки его слипались от усталости. Он вместе с другими «тянул из себя последние жилы», но не ради личного богатства, а во имя большевистской идеи: надо было доказать, что за коммуной — будущее. А достаток придет, и богатство будет, надо только основу заложить, закрепить у людей веру в коллективное хозяйство.

И красные хлеборобы доказали. Вторую свою весну они особенно старались. И дети и старики, все, кто мог двигаться, собирали золу, навоз, носили ведрами торфяную крошку, почву буквально в пальцах перетерли. И отблагодарила земля, густой уродилась пшеница — змея не проползет. Прикусили язык богатеи, а бедные крестьяне и середняки стали почаще в поселок захаживать, ко всему приглядываться. А смотреть уже было на что. Как грибы после дождя росли дома на поляне, трактор урчал за перелеском, да и вся жизнь в коммуне пошла по-иному: один за всех, все за одного...

А потом на базе коммуны колхоз возник. Возглавил его Василий Семенович Маковецкий. Секретарем партийной ячейки стал Федор Захарович Ячменев, двоюродный брат Василия Елисеевича. Вожаком комсомола единогласно избрали Федора Ячменева, сына Елисеича. А сам Елисеич по просьбе односельчан взялся за полеводческие дела. Лучше его никто не знал и не чувствовал землю.

— Первый-то годок мы неважнецки сработали,— вспоминает сейчас Елисеич.— Засуха навалилась, да и другие нехватки скребли за сердце. С апреля, помню, стояла сухмень, пыль поднималась до неба. Но хлебец у нас все равно был, побольше соседних деревень собрали...

Мы ходим с Елисеичем по селу, беседуем со старожилами. Смотрим. Вчера новые двухэтажные, городского типа дома осматривали, а сегодня — водопровод, школу, склады. Село привольное, широкое, больше ста построек в нем, и все они — будь то дом, амбар, приделок или контора бригадная — по-сибирски добротные, срубленные как бы навечно. Рядом с общежитием, где умещались когда-то все коммунары, возвышается Дом культуры, которому и областной центр позавидует. Директор Дома культуры Валентин Иванович Ячменев, какой-то дальний родственник Елисеича, показал нам кинозал, сцену, библиотеку. Скоро должна была начаться репетиция, и в просторном фойе уже собрались парни и девушки, модно и со вкусом одетые. Увидев Елисеича, окружили его, потащили в боковую комнату, откуда доносились звуки баяна. Вернулся Елисеич минут через пять и, покачивая головой, сказал:

— Они же, вертихвостки, бороду льняную мне примеряли. Купца первой гильдии изобрази, мол, в спектакле. А какой я купец? Нет у меня этого самого... как его... ну вида и голоса басовитого. Тимофей Иванович Фомин пусть изображает или сам Толасов Борис Константинович. Эти управятся, а я поусох для первой гильдии-то...

Из Дома культуры пришли мы в магазин. Он расположен в бывшем общежитии, и я, переступив порог, уставился на стены, пытаясь хоть что-то увидеть из того прошлого, из той суровой поры, когда здесь жили коммунары. Но молоденькая продавщица, решив, видимо, что я так пристально рассматриваю запыленные радиоприемники, расставленные на верхней полке, стала объяснять, краснея и оправдываясь:

— Не берут эти приемники, вот они и пылятся...

— А что требуют?

— Что требуют? Автомобили, «Волги» да «Москвичи». Утром сто легковушек привези — к вечеру ни одной не будет...

Мне показалось, что продавщица шутит: сто автомобилей — это же целый автопарк! Но встретившийся на нашем пути председатель Толасов подтвердил, сказав, что денег у колхозников много, и сельский магазин с таким неважнецким подбором товаров уже не устраивает их. Колхоз — многократный участник выставок, награжден орденом Ленина, урожаи у него стабильные — не меньше двадцати центнеров с гектара. Несколько автомашин уже есть у колхозников, и еще штук на сто заявка имеется.

— У нас с этими машинами да мотоциклами беда прямо,— говорит Елисеич, попрощавшись с председателем.— Дай, и никаких. А не хватает. И тут, я думаю, какая-то неувязка. Колхозам руки развязаны, умело хозяйствуй и получай денежки. А куда те деньги девать? Где нужные товары? Сейчас бы нам строить надо побольше, два миллиона на счету, а материалов нет, того, сего нет. Два миллиона! Вона куда шагнули! А было как? А было так, что сбрую, помню, не сразу покупали: сначала хомут, потом супонь, гужи, а там и на дугу по копейке собирали...

Елисеич глубоко вздыхает и останавливается возле березовой рощицы, огороженной глухим забором. Рощица возвышается посреди села и похожа на городской парк.

— Зайдем,— трогает он меня за рукав и, открыв калитку, тихо шагает по утоптанной в снегу тропке. Грустно шумят над головой деревья. Под деревьями две могилы, два обелиска со звездой, осевшие холмики, железная резная ограда. Рядом с могилами столик, врытые в землю чурбачки-стулья. Свежие сосновые ветки лежат на обоих холмиках.

— Вот он, председатель наш первый, Маковецкий Василий Семенович,— говорит Елисеич.— Недавно схоронили, бессменно на посту стоял...

В обелиск врезана фотография: волевое лицо, взгляд с прищуром, ряды орденов на темном пиджаке. Этого человека по количеству наград принимали за отставного генерала, а он на последней войне и не был, все его ордена — за труд, за хлеб сибирский.

— А тут сынок мой, Федя,— подходит Елисеич к другой могиле.— Кулаки его... Картечью... Из обоих стволов... Еще в тридцать пятом году... От трактора своего шел...

Он опирается на ограду, подбородок его дрожит, сдвигаются белесые жидкие брови, и я только теперь замечаю, как уже стар Елисеич, сколько им всего пережито.

— Эх, Федя... Не дожил, сынок... Не увидел...

Дома Елисеич показывает мне фотографию Феди. Иланский районный ретушер, чтобы потрафить родителям, пририсовал Феде белую рубаху и галстук. А тогда галстуков не носили. Не было у Федора и белой рубашки. А вот он снят у «фордзона»: зачес залихватский, лицо чумазое, белеют в улыбке зубы. Счастливый парень, первый тракторист, вожак комсомола. Двадцать с небольшим ему тогда было. Только женился. Сынок рос, Вадим. И шести месяцев не исполнилось ему, когда отца его, Федора Васильевича Ячменева, злодейски убили кулаки...

Случилось это вечером на Осташевской дороге. Вспахав участок, Федор торопился домой: была суббота, ждала его парная баня, жена с сыном, ребята из комсомольской ячейки. За весну он устал страшно, осунулся, но был как всегда весел и шел, распевая песни. Над рекой белели черемухи, пригревало закатное солнышко, хорошо ему было шагать по родной земле. И вдруг из-за кустов, сбоку, прогремели выстрелы...

— Их двое было, кулаков-то,— говорит Елисеич.— Они давно ему грозили. Да и не только ему. Всех комсомольцев и коммунистов ненавидели. В меня тоже стреляли, да промахнулись, темно было. А за Федором особая слежка была, он в газету про них писал. И вот подкараулили... По-бандитски... Когда мы прибежали на Осташевскую дорогу, то кровяной след увидели. Умирая, Федя к своему трактору полз. Почти у самого трактора и скончался...

Елисеич опускает плечи, трет кулаком глаза, беззвучно шевелит серыми губами.

— Деда, не надо! Не надо, деда! — подскакивает к Елисеичу семилетний Серега, первоклассник. Елисеич сажает его на колени, говорит, улыбаясь:

Василий Елисеевич Ячменев и его правнук Сережа.

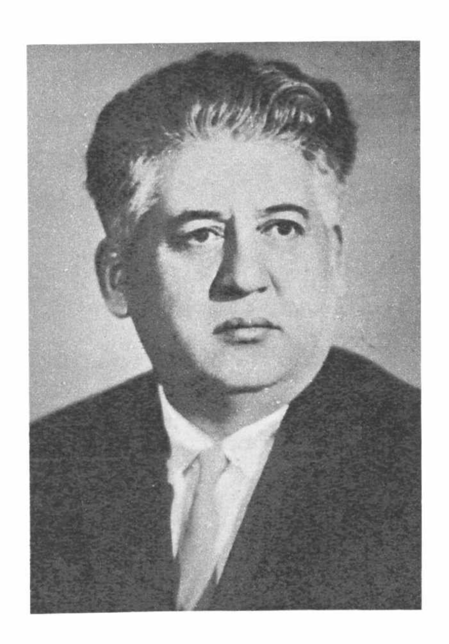
— Дедом, вишь, зовет меня. А я не дед ему, а прадед...

Серега — это сын Вадима. И сам Вадим сидит с нами рядом. Тот самый Вадим Ячменев, которому было тогда, в день гибели отца его, шесть месяцев. Сын пошел по стопам отца. Колхозный шофер, механизатор. Служил в армии, по комсомольскому долгу строил Братскую ГЭС, работал на целине. С целины жену привез, Галю, сероглазую ленинградку. И вот теперь живут они у деда в Красном хлеборобе.

Работают в колхозе и две дочери Елисеича — Вера и Лида, хорошие свинарки. И вообще никто из Ячменевых не изменил земле. А всех их наберется, может, человек сорок. Да и другие коммунары в крестьянском духе сумели воспитать детей.

Есть в Красном хлеборобе и Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. Елисеич перечисляет десятки имен, вспоминает, мечтает о будущем.

— А может, чайку? — вдруг спохватывается он и начинает хлопотать на кухне. Василий Елисеевич давно уже похоронил свою старуху и многое по дому привык делать сам. Я смотрю на него и думаю: вот пройдут годы, еще богаче станут наши колхозы, но народ никогда не забудет первых коммунаров — и труд их и кровь, пролитую ими...

Слово о Мирзо Турсун-заде

Расул ГАМЗАТОВ

Я был с ним в небольшом кишлаке в Гиссарской долине, откуда отправился он, сын таджикского плотника, в большой, сложный и удивительный мир труда, борьбы, поэзии. Об этом кишлаке еще юношей написал поэт свою лирическую поэму.

Он сидел, окруженный белобородыми старцами, а из окон и дверей на него смотрели женщины с грудными детьми, а на крышах домов и на деревьях сидели босоногие мальчишки и кричали: «Мирзо! Мирзо!» Но старики помахали им палками: не мешайте, мол, нашей беседе. А в этих беседах слились дела аула и разных стран, судьбы кишлаков и целых народов, события колхоза и большого мира, брызги ручейков и волны океанов, утренние песни и вечерние сказки.

Старики жили уже долго. Но Мирзо было о чем рассказать им, что вспомнить: поэт видел много. Когда-то он учился здесь у кишлачного муллы. «Палка у муллы была очень длинная и, где бы я ни сидел, доставала до моей головы»,— рассказывал Мирзо.

В кишлачной школе мое внимание привлекла необычная географическая карта мира, сделанная самими школьниками. На карте кружками обозначены города всех континентов и государств, где побывал их знаменитый земляк Мирзо Турсун-заде. Тут города Азии, Африки, Европы. Это не только карта путешествия, но и карта поэзии — мыслей, чувств, красок и музыки.

Известно, на больших дорогах одни теряют все, что имели, другие вместо потерянного приобретают новое, а третьи обогащаются новыми находками. На больших дорогах века Мирзо не потерял свою национальную тюбетейку, он бережно и гордо хранит ее.

Обычно бывает так: встретил человека, который стал тебе близким и родным, и хочется побывать у него на родине, в его доме, осмотреть все, к чему тот причастен. К Турсун-заде приезжают люди из дальних стран.

Я был в Душанбе, столице Таджикистана, в доме, где живет со своей большой семьей Мирзо Турсун-заде. Ему сейчас 57 лет. Это возраст зрелый.

В тот день, когда я был у него, в трех комнатах дома сидело более пятидесяти человек из разных стран. В этом доме свои стихи читал и Назым Хикмет, и Николай Тихонов, и Ахмед Фаиз, и многие другие. Жаль, что в доме Мирзо нет книги для посетителей. Это была бы большая книга дружбы, любви и братства. Но у Мирзо есть сад.

В этом саду живут деревья, посаженные разными людьми. Их ростки — цветение, а иногда увядание — рассказывают о разных судьбах, печальных и радостных, больших и маленьких. Сам Мирзо считает, что дерево посадить, следить за ростом, беречь его от невзгод и, наконец, сорвать с него плоды — большое наслаждение и радость и это все надо сделать самому, а если за тебя старается кто-нибудь другой, в этом радости мало.

Но садовник редко бывает дома. Из далеких краев он прислал поэму «Дорогая моя». В ней как кинжал в ножнах — два чувства: забота о родном очаге и о большом мире, любовь к подруге своей жизни и к той неутомимой борьбе, которой он посвятил многие годы жизни. Сад у дома Мирзо просторней и шире, чем кажется. Он посадил дерево дружбы на Кубе в дни первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, и мы там вспоминали парк Садриддина Айни — учителя и наставника Мирзо, где вместе с Мирзо сажали свои деревья люди разных стран. Он посадил деревья дружбы на разных континентах, где побывал, и в этой его работе мне видится родство с его поэзией. В стране его поэзии выросли посаженные им большие деревья.

Есть много известных имен, но часто, когда спрашивают, что же написали, создали эти поэты, трудно вспомнить названия их книг, словно они бездетны и у них ничего нет. Когда их спрашивают, что вы написали, одни из них отвечают: «Лирику», другие — «Сатиру», третьи — «Публицистику», а четвертые — и то, и другое, и третье! Эти горы и реки остались без названий потому, что нет после них заметного следа в событиях жизни и в памяти людей. Это мосты, построенные там, где нет реки или где она высохла. Но бывают некоторые горы и реки, о которых можно рассказывать целые истории, потому что с ними связано незабываемое, памятное, большое.

Если так подойти к Мирзо Турсун-заде, то читателю нетрудно будет назвать его произведения, хотя это не толстые романы, популярные повести или пьесы, шедшие на сценах десятков и сотен театров. Он поэт, и он верен как своей земле, так и своей теме. В любых поворотах жизни и событиях он ни на шаг не отступает от тех идей, которые завладели им. Правда, как и у многих, эта цельность характера, цельность мышления, верность чувства у Мирзо выработались не сразу.

Из биографии Мирзо Турсун-заде известно, что он, будучи еще мальчишкой, убежал из своего кишлака и его приютили в детском доме. Так и в поэзии — вначале он прошел детский дом и был участником общего хора. Он писал торопливые очерки, короткострочные повести, гладкие поэмы, либретто для опер, писал сам и соавторствовал. Он долго шел по пескам, пока не нашел своего источника, пока не нашел самого себя. Он был как рыба в искусственном пруду (у нас много поэтов развелось в таких прудах), но не сразу попал в бурное, широкое, многокрасочное море нашей поэзии. Да, Мирзо многих оглядывал, прежде чем заявить: «Я люблю девушку одну». Ему нужно было пройти большой мир, чтобы заявить всем: «Я с Востока». Да, он с Востока, Советского Востока, сын Таджикистана.

Многие поэты бывали за рубежом и привезли оттуда песни разных народов. Но цикл стихов «Индийская баллада» Мирзо Турсун-заде своей поэтичностью, своей болью, разбуженной страданиями народов и гордостью за свою родину, привлек всеобщее внимание.

* * *

Когда в столице Ливана Бейруте на 3-й конференции писателей стран Азии и Африки Мирзо Турсун-заде говорил о героической борьбе Вьетнама против американских агрессоров, о страданиях многомиллионных народов Азии и Африки, представители некоторых стран начали обвинять нас: мол, вы, советские писатели, разговор о литературе и о культуре хотите превратить в политику. Тогда Мирзо — председатель Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки и поэт — сказал: «Для меня искусство и политика друг от друга неотделимы».

Да, Мирзо соединил лирику с политикой. В этом и ценность его «Индийской баллады», написанной еще двадцать лет назад. В ней сочетается поэтическая нежность с гражданским мужеством, человеческая боль с человеческой решимостью, просьба с клятвой, благодарность с проклятием, пожатие рук со сжатым кулаком — без этих двух крыл любви и гнева, радости и печали стихи «Индийская баллада» не смогли бы совершить полета по всей планете.

Некоторые говорят: политические стихи — это дело конъюнктурщиков, такие стихи быстро забываются, они недолговечны, как костюмы, которые быстро изнашиваются и выбрасываются. Да, так бывает часто с торопливым восторгом по тому или иному поводу. Но когда в политических стихах выражено глубокое авторское волнение, национальные черты его поэзии, философское осмысливание виденного, тогда они становятся необходимыми, вечными. Так было с двумя циклами «Индийской баллады», с книгой стихов «Голос Азии», с поэмами «Хасан-арбакеш», «Дорогая моя» и многими другими. Одно поколение читателей в свое время их приняло с радостью, а другое поколение сейчас встречает их не менее восторженно. Они живут, работают и борются. Будучи в Женеве, Мирзо читал мне стихи «Нейтралитет». Он за нейтралитет Швейцарии, но в поэзии, в любви он говорит: нейтралитет подобен смерти. Когда поэт отсутствует, соблюдая нейтралитет к событиям, к судьбам, то к произведениям поэта читатель может быть нейтральным. Этого не скажешь о поэзии Мирзо. Я видел, как в Дели, Бомбее Мирзо читал свои стихи, сидя на ковре. Слушатели, выражая свой восторг, кричали: «Вах, вах!», «Машаллах!» Снова заставляли поэта читать те или другие места, особенно понравившиеся им.

Совсем недавно, во время праздника цветов и весны — «Навруза»,— мы с Мирзо Турсун-заде были в Иране. Имя поэта там широко известно. Мы должны были из Шираза лететь в Тегеран. В тот день погода испортилась и самолеты не летели, а попасть в Тегеран было необходимо. Мы решили взять такси. Но диспетчер сказал, что то ли шоферов нет, то ли машины нет. Мы с Мирзо очень нервничали.

Тогда диспетчер прочитал нам стихи Саади о том, что не надо нервничать (я не помню этих стихов сейчас). Мирзо долго смеялся и, увлекшись, сам стал читать диспетчеру на эту тему стихи Саади и других великих поэтов Востока. Диспетчер заинтересовался, кто же это такой, и когда узнал, что перед ним поэт Мирзо Турсун-заде, тут же нашлась машина и два шофера, которые доставили нас из Шираза в Тегеран.

В Иране Мирзо пришлось часто выступать, и знатоки сказали ему, что у него ширазское произношение. А Шираз — это родина великих поэтов Саади и Хафиза. В книгохранилище Ирана Мирзо долго и благоговейно листал рукописи великих предков. Он наизусть знает тысячи строк из «Шахнамэ» Фирдоуси, которому шах обещал по золотой монете за строчку и который умер в нищете; и из любовной лирики Хафиза, который за всю жизнь ни разу не выезжал из своего любимого Шираза; и сатиру и исповедь Саади, который около тридцати лет путешествовал по свету, а по возвращении еще тридцать пять лет писал свои стихи; и, конечно, рубаи великого Омара Хайяма, и оды Адама всей восточной поэзии — тысячелетнего Рудаки; стихи Джами и Руми и других поэтов. Он восхищался своими поэтами-предками, которые готовы были за родинку на лице любимой отдать и Самарканд и Бухару. Щедры поэты...

Я очень сожалею, что в наших школах и институтах не изучается или недостаточно глубоко изучается великая восточная культура, что нет у нас до сих пор хрестоматийных книг поэзии народов Азии и Африки, какие есть по западноевропейской литературе. Но это особый разговор. Сейчас речь идет о великих поэтах Востока.

«Трудно после них быть поэтом,— сказал мне однажды Мирзо.— Трудно. Но у поэзии и любви нет конца». Мирзо не подражатель, а продолжатель многовековой поэзии своего народа, только в другом времени и в других условиях. И это он делает с достоинством поэта и гражданина. Быть продолжателем, сочетать традиции с новаторством, личное и национальное с общечеловеческим — все это помогло Мирзо Турсун-заде рассказать о событиях нашего времени, свидетелем и участником которых он был. В этом его краски и музыка — дело нашей эпохи, а главное, те идеи, которые провозгласила Великая революция.

Я не знаю таджикского языка. Турсун-заде я читал на русском языке. Но русские переводчики, которые специально изучали таджикский язык и переводили поэтов не с подстрочников, а с оригинала, утверждают, что в отличие от многих других поэтов Турсун-заде представляет большую трудность для перевода, потому что у него много тонкостей и выражений с подтекстом, которые без помощи самого Мирзо трудно перевести.

Был случай (когда впервые в журнале «Новый мир» появился цикл стихов «Индийская баллада», когда они нашли широкий отклик среди читателей и когда Мирзо Турсун-заде была присуждена Государственная премия), один из переводчиков сказал: «Здесь и мой труд, а следовательно, это и мои стихи».

Конечно, родительские претензии к детям Мирзо со стороны других были отвергнуты, но все же это хорошо, когда переводчик, а потом читатели воспринимают мысли и чувства поэта, его переживания как собственные, родные, близкие, когда о его стихах миллионы говорят: «Это наши стихи», «Это наш Мирзо, щедрый, добрый, обаятельный».

Один раз Мирзо Турсун-заде был в Дагестане, в моем родном ауле Цада. С тех пор прошло несколько лет, но каждый раз, когда я бываю в ауле, цадинцы спрашивают меня о нем, как о своем: «Не встретился ли ты с Мирзо, не видел ли ты его? Как он живет? Что пишет?»

Я хочу ответить своим землякам и всем: «Я вижу часто Мирзо Турсун-заде. Он живет, здоров, работает, пишет новые стихи. У него много дел. Но он успешно справляется с ними».

Свое выступление Мирзо обыкновенно начинает словами: «Ассалому алейкум». Это значит: «Мир дому твоему». Мы ему отвечаем: «Ва алейкум ассалом, Мирзо» («Мир и твоему дому, Мирзо»).

1000 и 45

Сразу два юбилея у «Смены», журнала ЦК ВЛКСМ: сорок пять лет со дня рождения и выход тысячного номера.

Тысяча тонких тетрадок в ярких, нарядных обложках и в одежках поскромней — на желтой, тусклой, оберточной бумаге: в первые годы было не до полиграфического блеска... Первый номер «Смены» вышел тиражом 25 тысяч. Теперь у «Смены» миллион подписчиков.

В первом своем номере «Смена» так излагала свою программу: «Революционная романтика, романы, повести, рассказы и стихи. Путешествия, статьи по вопросам естествознания, техники, научной организации труда. Хроника научных открытий и технических усовершенствований. Очерки по истории революционного движения в России и за границей. Особое внимание журнал уделяет освещению жизни рабочей молодежи. Специальный отдел школьного строительства и фабзавуча. Специальный отдел жизни и строительства Красной Армии и флота...»

Что ж, программа, намеченная 45 лет назад, сохранилась.

«Смена» начинала в тяжкие дни. На обложке второго номера — портрет Ленина в траурной рамке. Рядом слова: «Ленин жив в сердцах рабочей молодежи. С его заветами вперед на борьбу за коммунизм». На обложке предъюбилейного номера трое молодых солдат печатают шаг по брусчатке Красной площади к Ленинскому Мавзолею. Свой юбилей «Смена» встречает в преддверии 100-летия Ильича.

«Товарищ Константин»

Чувство ответственности перед памятью близкого человека, желание рассказать молодежи нашей страны о мальчике из грузинского селения Багдади, ставшем гордостью советской литературы, способствовали появлению увлекательно написанных воспоминаний о Володе Маяковском.

Главная цель автора новой книги, старшей сестры поэта Людмилы Владимировны, «помочь,— как она пишет,— правильно понять жизнь Владимира Маяковского и его творчество».

Работа Л. Маяковской посвящена не только жизни поэта. Она дает яркую картину того общества, в котором он жил, рассказывает о его стремлениях, идеалах, формировании политических взглядов.

Нет, не случайно семья Маяковских воспитала будущего революционера, непримиримого и страстного борца за дело партии.

В 1905 году старшая сестра передала гимназисту Володе книги и брошюры, написанные К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. Лениным, о которых он потом сказал, что его «на всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир».

С двенадцати лет Володя начал заниматься в марксистском кружке и был бесконечно горд, изучая основы социал-демократического учения.

В конце февраля 1908 года, пишет Людмила Владимировна, Володя пришел к матери и сказал, что он состоит в партии.

Летом 1909 года семья Маяковских помогала организаторам подкопа под Таганскую тюрьму, а затем участвовала в подготовке побега женщин-политкаторжанок.

Володю хорошо знали рабочие Лефортовского района, в который он был направлен партией как пропагандист «товарищ Константин».

В. Маяковский был членом Московского комитета РСДРП в возрасте пятнадцати лет, и только возраст помог досрочно освободить его из очередного тюремного заключения.

Представим себе сейчас на какое-то мгновение, что «машина времени» позволила ему взглянуть на книжную полку, где собрано все написанное о поэте Владимире Маяковском за последние годы. Можно не сомневаться, что он с волнением взял бы в руки две книги: первая написана его матерью Александрой Алексеевной, вторая — старшей сестрой Людмилой.

Сестра поэта не только продолжила работу матери, но и создала цельное, законченное произведение, позволяющее еще лучше понять жизнь одного из самых выдающихся поэтов первого в мире социалистического государства, Владимира Маяковского. Нет сомнения в том, что эта книга не оставит равнодушными советских читателей.

Мих. ХОДАКОВ

Л. Маяковская. О Владимире Маяковском. Из воспоминаний сестры. Издательство «Детская литература». Москва. 1968.

О ВРЕМЕНИ И ТЕАТРЕ

Работа советского театрального критика Юрия Зубкова «Время и театр» будет с большим интересом встречена читателем. Еще бы, ведь в ней идет речь о современном театральном процессе, об его успехах и трудностях, о живой традиции социалистического реализма, об удивительном чувстве крепчайшей сердечной связи нашего театра с проблемами и задачами жизни.

С первых же строк автор вводит в стихию искусства театра, где нет и не может быть места равнодушию, где все — в кипении, в неукротимом творческом порыве к новому. И он сам не сторонний наблюдатель, а непосредственный и заинтересованный участник театральной жизни. Отсюда полная осведомленность автора о том, что происходит на сцене столичных и периферийных театров.

Весь этот крайне важный познавательный материал объединен единой мыслью о горьковской традиции, требующей от художника умения смотреть на жизнь с высоты великих целей будущего.

Главную, ведущую идею — о масштабности постижения советским театром характера современника, о героическом его начале — Ю. Зубков развивает как исследователь и как борец.

Рассматривая облик советского театра сегодня, автор начинает большой разговор о подлинном и мнимом новаторстве. Палитра драматургов, режиссеров, актеров обогащается, когда они постигают героический характер современника; по-новому звучит и советская классика, смело, романтически прочитанная многими театрами в дни пятидесятилетия социалистической Родины. В то же время Ю. Зубков открыто и нелицеприятно спорит с теми, кто под флагом мнимого новаторства отстаивает взгляды, чуждые социалистической идеологии. Он развенчивает претенциозный негативизм некоторых художников, в чьем поле зрения лишь обочина жизни; доказательно критикует произвольное толкование классических произведений, искажающее их объективное историческое содержание и смысл.

Нет, автор не внимает равнодушно добру и злу! Он за добро, за все светлое, партийное, перспективное в современном театральном процессе. Это — главное в его новой работе.

Профессор В. РАЗУМНЫЙ

Ю. А. Зубков. Время и театр. Изд-во «Знание». Москва, 1968.

Рассказ

Борис КУЛИКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Больше всех песен знает Цариха.— Иван Дмитриевич натянул сапог, повертел ногой, оглядывая его, стал наматывать портянку на другую ногу.— Ее дед пел в царском хоре. Я еще помню, такого певуна в городе поискать.

— А где же дед?

— Да ты сходи к ней-то и порасспроси. Вон ее курень,— показал в окно,— чуть подале дома Дворян. Хороший курень — ты сразу увидишь. Долго не ходи. Часам к восьми люди придут на твои проводы. Посидим, песни поиграем.

Иван Дмитриевич надел второй сапог, встал, притопнул.

— Жмут, черти... Цариха, она баба сурьезная, но ты к ней с подходцем, про песнито не сразу говори... Она, кажись, бывала в вашей станице. Лечилась там. Вот про станицу ей расскажи. Винцо у нее свое. Выпьете, а ты и запой. Не удержится, зачнет петь, только успевай записывать.

Тесть ушел, а я, не мешкая, собрался, сунул в карман блокнот и авторучку, вышел на улицу.

Желтыми кострами диких веников и донника по левадам догорала осень. Деревья отряхнули последнюю листву и стояли почерневшие от дождей и ветров; склоны балки будто подернулись серовато-свинцовой дымкой — это умирал полынок; ручей по дну балки тек медленно и был, как никогда, прозрачен.

Я шел, рассеянно глядя по сторонам, не замечая времени, шел, думая о том, что удивительные превращения природы всегда почему-то наполняют душу человека радостью или тоской... Ну, какое мне дело до природы! Какое мне дело до этой осени, до этого скорбного сиротства, если я молод, если во мне в любое время года клокочет жгучая жажда жизни!.. Почему же тогда мне стало так грустно и подумалось вдруг: а ведь все умрем? И я умру когда-либо, как этот куст полыни, как этот лист худенького клена, как эти былинки вдовьей лебеды... Конечно, весной оживет новым листом и клен, и полынь запахнет снова, и пустит от неумирающих корней резвые побеги лебеда, а все-таки это будет другой лист, другой куст, другая былинка. Утешусь ли я тем, что после меня останутся жить другие люди, что жизнь никогда не прекратится, доколе жива Вселенная?

И вдруг я поймал себя на мысли, что никогда не слышал от простых смертных таких вот размышлений, никогда не слышал, чтобы мой тесть, мой отец, тетя Катя, Иван Гур или Радьков, или Каргин, или... да боже мой! — все они о смерти говорили просто. Они чаще нас встречались со смертью и не то что привыкли к ней — к смерти нельзя привыкнуть,— а просто поняли ее неизбежность и необходимость.

И вот так, не философствуя, не думая о бессмертии, умирали наши драгоценные люди в гражданскую от пуль и топора кулаков и в Отечественную, и стали они бессмертны, сплотив воедино частицы редкостных душ своих в единый дух, каким живы мы и поныне. А пойди по всей Руси великой, нет на ней самого малого хутора, где не показали бы тебе в безводной степи Иванов колодезь, в глухой тайге — Семенову тропу, на лесном ерике — Аленкин брод, в чистом поле — Уремов курган, а на широком Дону — Данилин перевоз... Позабыли людей, только помнят легенды про Ивана и Семена, Аленку, Урему и Данила — помнят их дух, дух людей праведных и чистых сердцем...

Вот так думал я и очнулся от своих дум возле нового деревянного забора, за которым веселел только недавно ошелеванный свежими сосновыми и уже проолифенными досками курень Царихи. Я нащупал было щеколду, хотел открыть калитку, да вдруг вспомнил, что не спросил у тестя, как старуху зовут. Не назову же я ее Царихой! Пока я размышлял, к забору подкатилась мохнатая белая собачка и стала неистово лаять. Прыти у дворняги было, как у доброго волкодава, и хотя я собак никогда не боялся, а тут, признаться, оробел, но из-за дома послышалось:

— Цика, дурная!

Собачка тявкнула, поджала хвост и замолкла.

Из-за угла вышла высокая старуха в фуфайке, старом платке, в древней коричневой юбке с множеством оборок и в галошах. В руках старуха несла чашу с водой и тряпку. Ее смуглое и все еще красивое лицо выражало хмурое недоумение. Насупленные, черные с сединкой брови делали красивое лицо старухи неприветливым, на безупречно прямом носу от напряжения собрались мелкие морщинки.

— Вам кого? — поздоровавшись, спросила она.

— Царевы здесь живут? — запинаясь, бормотнул я.

— Царевы? — Старуха подняла брови, засмеялась.— Какие Царевы? Тута живут Сидоровы.

— Извините,— пробормотал я растерянно.— Извините, ошибся, значит.— И повернулся уходить. Собачка было победно залаяла на меня, побежав рядом за забором и просовывая между штакетинами морду, чтобы тяпнуть меня за штанину, но старуха зычно крикнула:

— Погодико-ся, служивый! Можа, табе не Царевы, а Цариха нужна? — Она, улыбаясь, выплеснула из чаши воду под куст винограда, повесила на ветку жерделы тряпку.

— Во-во, бабушка Цариха,— обрадовался я.

— Цариха — это я,— усмехнулась старуха.— Не похожа?

— Да нет, похожи... Не ожидал я... Имени-отчества вашего не спросил.

— Ха, не спросил. Да его, небось, в хуторе-то один-два и знают... По какому делу пришел? Вина, что ли?

— Вина. Говорят, хорошее вино у вас,— обрадовался я.

— Хорошее... Ну, заходи. Только вино у меня дорогое — полтора рубля литра.

Она отворила калитку, я вошел, опасливо косясь на кудлатую дворнягу, но та, понюхав мой ботинок, чихнула и потрусила в сад.

— Проходи в горницу,— открыла старуха дверь.— Да не разувайся — притру, делать все одно нечего.

В курене в четырех просторных комнатах я будто попал в другой мир: старые сундуки с наклейками и узорчатыми крышками, лавки, тяжелые табуретки, столы с почерневшими от времени ножками, бахромистые скатерти, массивные иконы в передней и огромная золоченая икона в зале. На стенах пожелтевшие фотокарточки под стеклом, а над койкой в зале большой портрет красивого казака с пышными, щегольски закрученными усами.

Я разделся. Старуха повесила плащ на вешалку, взяла графин.

— Посиди тута, в погреб за вином схожу. Тебе литру?

— Да можно и два.

— Ишь ты. Выпьешь?

Я промолчал.

Она с любопытством поглядела на меня еще раз, хотела что-то спросить, но не спросила, ушла.

Вернулась скоро, неся полный графин рубинового вина.

— Сама делаю, сахару ни граммочки,— доложила старуха, вытерла вспотевший графин полотенцем, достала огурчиков соленых, моченых яблок, налила вино в двухстакановую чашку.

— Пей на здоровье.

— А себе? — робко спросил я.

— Мне еще в погребе ссолку смывать. Да и не люблю я пить, уже свое отпила.

Но все-таки плеснула себе в чашку капельку, подождала, пока я выпью и похвалю, выпила сама, присела напротив, на лавку. Я закусывал, раздумывая, с чего начать разговор, а она, в упор рассматривая меня, спросила:

— Ты не зять Ивана Митрича?

— Зять.

— Вот и я вижу, не наш, не хуторской... Гляжу, гляжу на тебя и все вспоминаю: будто видела где-то раньше.

— Может, в станице? — поспешил я, вспомнив наставление тестя.

— Погодикося. А ты не тетки Кати Ковалевой племянник?

— Ее.

— Вона! — оживилась старуха.— Стало быть, это ты, Васятка? Вот, говорю, гора с горой не сходится. Ты не помнишь меня, небось? Я лечиться к тетке Кате в сорок пятом приезжала. Ну да, в сорок пятом... У вас и жила неделю. Ну, вспомнил? Как кагуны пекли, как с бабкой Грушей мы за бога спорили? Ты меня бабушкой Покутей называл за то, что я в платок сильно покутывалась. Рожа у меня была.

Вспомнил я! И даже вспотел от неожиданности. Точно, жила у нас высокая, худая старуха, которая все куталась в платки. Только однажды видел я ее лицо, а увидев, онемел от страха. Случайно на вечерней заре вбежал я зачем-то в зал и увидел, что в святом углу под лампадой стояла приезжая старуха и тетя Катя что-то шептала около нее, дула на ее лицо и сплевывала в сторону. Лицо старухи было красное, опухшее, в ужасных струпьях. Я так и стоял, пока тетя Катя не кончила шептать, омыла лицо старухи «святой» водой и тогда уж поворотилась ко мне:

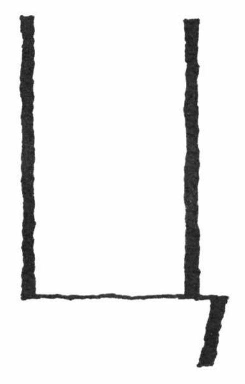
— Беги, беги, играйся, Вася.

Я опрометью кинулся на улицу, к братьям.

— У бабки Покути лицо собаки покусали! — выпалил я.— Сам видал — во какое пухлое и в ранах.

— Много ты понимаешь,— насмешливо кинула оказавшаяся тут Ленка.— Это у нее сглаза. Врачи не лечат, а мама вылечит,— похвастала Ленка,— она у бабушки Мани лечить научилась.

— ...И-таки вылечила меня тогда Катюшка,— рассказывала Цариха.— Да ты пей, пей,— суетилась она.— Вылечила, как рукой сняла, и раночек не осталось, глядикося,— повертела она головой, сняла платок, поправила жидкие, густо седеющие волосы, сложенные в кулек.— Слыхала, померла Катюшка...

— Померла.

Старуха вздохнула.

— Царствие небесное. Праведница была... Вот она, жизня наша, какая. Других людей лечила, а сама... Я старше Катюшки, а вот живу. Уж, признаться, уморилась жить, а все же, Васютка,— подвинулась она ближе,— кой-когда вспомню, что помирать надо, да так неохота в могилу-то станет...— Она покачала головой, улыбнулась.

Скрипнула дверь, в комнату, шмыгнув носом, вбежал черноглазый мальчуган лет семи.

— Здрасте! — выпалил он и кинулся к Царихе.— Бабушка Куля, я ноне четыре по письму получил!

— Это хорошо, Ванюша, а почему не пять? — погладила она его по головке.

— Ти! — сморщился мальчик.— Учительница сказала, что грязно написал. А там не грязно. Одна клякса всего.

— Ну не делай больше кляксов. Накося яблочко,— протянула она ему,— беги на улицу, с Дамкой поиграйся.

Мальчик вприпрыжку выскочил.

Цариха улыбнулась, глядя ему вслед.

— Правнук мой. Ольки и Леньки сынишка; Ольга без отца и матери росла. Федю-то,— она сняла со стены фотографию красивого парня в пилотке с кубиками в петлицах,— на фронте убили. Это его последняя карточка. А мать Олькина вскорости померла. Ты, небось, знаешь, что с Ольгой приключилось-то, с нею да Петром Петровичем.— Старуха вздохнула, вытерла ребром ладошки карточку, повесила на место.— Я тут не виновата. Леньку Дворянкина, признаться, не люблю. Шалопутный он. Да, не уследила Ольку... Пей, пей, вино-то не магазинное. Денег не платить... Да... С Дворянами у нас нелюбовь давно. Через них меня и Царихой прозвали. Он, Арсений-то Иванов, вбил себе в голову, что столбовой дворянин, потому такой индюковатый. Брешет, никакой не дворянин — я и деда его, Петра, знала, из мужиков они. Деда вместе с портным, отцом кума, в казаки принимали... Вот, значит, в нэп на Новый год побежал Федюшка мой к ним, к Ивановым-то, на елку. Знать, нравилась ему Ленка, одногодка его. Прибегает, подарок какой-то принес, а они его и в хату не пустили. Видать, подучили Ленку, она вышла на крылечко и говорит: «Уходи, Федька. Ты простой казак, а мы — дворяне».

Прибежал Федька, плачет. Расспросила я его, а он мне — так и так, мол, ему сказали; дед мой послушал, засмеялся и говорит: «Эх ты, Федька! Не плачь, дурень. Побеги и крикни Иванятам, что ежели они дворяне, то мы — цари». Ну, Федька и побежал. С тех пор по хутору и пошло: Ивановы — Дворяне, а мы — Цари. Деда тоже Царем называли, а когда его в лихие-то годы забрали, меня Царихой стали кликать.

— А за что деда-то забрали?

Старуха вздохнула.

— Не знаю, как тебе и сказать. Партейным он не был, воевать ни за белых, ни за красных не воевал. Пел дед голосисто, так теперича петь не умеют. Забрали его на действительную, я еще в девках ходила. Прописал он, что служит в Петербурге и поет в царском хоре. Потом отпустили его, вроде бы по болезни груди. Только я знала, что он притворился, будто грудь болит и голос осип. На самом деле истосковался он по хутору, ну и по мне, можа. Поженилися мы, года три детей не было, а потом родился Федя, и, значит, революция началась. Мамочки родные! Ничего не поймешь. То белые, то красные. Дед и от одних и от других по камышам хоронился. Простудился гдей-то, захворал. Тут белые пришли. В хуторе пьянка, стрельба. Как-то вечером вваливаются к нам атаман Балабин и чины какие-то. Все, ясное дело, пьяные. Балабин кричит: «Вставай, Тимохвей! Песни играть будешь господину полковнику». «Я больной»,— дед ему говорит. А Балабин схватил его за усы, тянет: «Знаем, какой ты больной! Служить не хочешь. Вставай!»

Дед встал, сел за стол. Там уж расселись все. Принесли самогона. Наливают деду —

пей. Ему тошно жить, а они — пей. Ну, выпил. «А теперича,— говорят,— пой». И заставили петь его «Возмутился, взволновался православный тихий Дон». Ну, деду куды деваться — запел. Всю ночь они, ироды, гуляли, а дед пел, охрип совсем.

Утром их красные выбили. Пришли и эти. Тоже с самогоном, и командир ихний тоже деда за усы: «Пой,— кричит,— нантырцанал!»

Дед им отвечает: не знаю, мол, такой песни. «А,— кричит командир,— советский гимн не знаешь, а царский знаешь! Пой!» Дед им опять: не знаю, мол.

Старуха помолчала, перебирая длинными, желтыми пальцами фартук.

— Ну, потом, значит, нэп наступил. При нем мы и дом этот справили, шесть пар быков было, да три коровы, да коней две упряжки. Это теперича, Вася, легко рассуждать, а тогда, когда в колхозы стали тянуть, то со своим добром-то расставаться не дай бог как тяжко было. Сами ить наживали, без работников. Федя-то комсомольцем был, все отца за колхоз агитировал... Вступили со слезами и работали, как все. Хорошо жили. Помню, в году тридцать шестом хлеба одного нам было получать триста пудов. До самого Покрова не брали его, потом председатель осерчал и приказал возить хлеб во дворы и высыпать. Продали мы его в Шахтах, одежду купили, корову, двух кабанов. Федя комсомольским секретарем был в колхозе. Все батьке говорил: видишь, как зажили! А дальше еще лучше жизня пойдет.— Старуха опять вздохнула, поправила упавшую на лоб прядку волос.—Только дальше худо стало. Вроде и земля также, даже лучше родила, и тракторов стало целых три штуки, а на трудодни все нечего получать. Ну, дед подпил и на собрании колхозном стал об этом говорить. После него и другие раскричались. Ничего такого против власти не было, а так, надо, мол, за труд платить, иначе кто ж задарма горбить станет.

Через два дня, значит, деда прямо в поле и заарестовали. Я к председателю кинулась: в чем, мол, дело? Вижу, сам не знает. Отпустят, говорит. Я в Ростов. Хотела к главному начальству пробиться — не пустили, передачу не приняли. А один такой молоденький начальник спросил фамилию и говорит: «Ступай, бабка, домой. Дед твой контрик. Пел старорежимные песни и народ против власти подбивал». Сказала я ему, что он дурачок, этот начальник-то, поплакала да и домой. Прописала Феде — в армии он служил,— Федя отвечает, что отца должны отпустить, потому как он не контрик, а темный человек. Не отпустили,— вздохнула Цариха.

Я сидел потупившись...

— Фу ты,— встрепенулась старуха,— заговорилась я совсем, не ухаживаю за тобой.— Налила еще вина.— Вот к вину-то и песню бы сыграть. Эх, нету деда, уж он бы спел...

— А вы не поете?

— Пою, да какая из меня певунья! — отмахнулась она.— Одной-то петь плохо, и голоса нет уже.

Залаяла собачонка. И тотчас же послышались шаркающие шаги и старушечий голос:

— Пошла окаянная!

— Никак Турка? — удивилась Цариха. Отворила двери.— Заходи, бабушка!

В горницу вошла сгорбленная, крючконосая старуха в черном плюшевом пальто, в черной же шали и оттого вовсе похожая на галку. Старуха переложила байдик из правой руки в левую, перекрестилась.

— Здорово дневали.

— Слава богу, бабушка,— радушно приветствовала ее Цариха.— Дайкося помогу раздеться.

Старуха размотала шаль, осталась в платочке горошком, сняла пальтушку, засеменила к столу, остановилась, увидев меня.

— Хтой-то? — спросила Цариху, не поворачиваясь.

— Зять Ивана Митрича,— прокричала ей на ухо Цариха.

— Здорово, болезный,— прошамкала Турка. Села на лавку, пожаловалась: — Пока дошла, ноженьки занемели. Годы, годы... Девяносто три мне. Чиво? — вдруг спросила она у меня, приставив ладошку к уху, хотя я ей ни слова не сказал. Отняла ладошку, ткнула дрожащим сухим пальцем в графин.— Налейкося мне вина.

Цариха с готовностью достала тонкий лафитничек, налила до краев. Турка подняла, расплескивая, отхлебнула, поморщилась.

— Крепкое твое вино. Не с табаком?

— Да ты что, бабушка, окстись! — крикнула Цариха.— У меня сроду такого не было.

— Вот я и говорю, крепкое дюже... А потом будя голова болеть.

Цариха махнула рукой. Обратилась ко мне:

— Подруга моя. Мы с ней в хуторе самые старые бабки. У нее мать из турков была, вот и ее Туркой прозвали. Можа, песню сыграем, бабушка?

Турка кивнула, поправила платочек, освобождая ухо.

— Ты мне в уху, в уху кричи,— наставительно прошамкала она.

Я сидел, не зная, смеяться или плакать. Ну как они будут петь, эти две древние старухи, одна к тому же глухая?

Они сели поближе друг к дружке, Цариха, улыбаясь, пристроила свои губы к уху Турки, а Турка задумалась.

— Какую же? — шамкала она.— Какую? Вот память стала, вот память...

— Может «Чернобровочку-Черноглазочку», бабушка? — крикнула Цариха.

— «Чернобровочку»? — Старуха пошевелила бровями.— Давай.— И, не откашливаясь, запела тихим, но очень высоким и приятным голосом:

Чернобровочка, черноглазочка моя,
Иссушили вот черны бровушки меня,—

и так же неожиданно приятно подхватила Цариха:

Печаль-горе разложили по моим плечам
Да заставили меня ходить-бродить
По ночам, ночам по темным, по лесам.
В темном лесе зелен листушки звенят,
Листья звенят, а веточки клонятся,
Да и клонятся-кручинятся до сырой земли.
Ай и тяжко мне, добру молодцу, ходить,
Не пущает полюбовницу старый муж гулять.
Не пущает он на улицу гулять.
А и пустит, сам в окошечко глядит:
Не стоят ли с его женой чужие мужья?
Не гутарят ли пустые речушки?
Не хотят ли меня, молодца, убить?

Удивительная песня! И удивительно пели ее старухи, будто вспомнив свою давным-давно сгинувшую молодость. Я-то, конечно, записывая, опустил все восклицания, вроде «ой» да «вот бы». А они придают песне неизъяснимую прелесть, уравновешивают ритм и мелодию.

Старухи покашляли, выпили винца, и опять Турка зашамкала:

— Давай ишо сыграем... Какую же? Старую давай, старую, а то скоро позабудем все песни.

— Помирать скоро, бабушка! — улыбнувшись, крикнула Цариха.

— Когда помрем, тогда и песни нам ни к чему.— Турка отхлебнула винца, улыбнулась за все время первый раз, обвела нас вылинявшими глазами, распрямилась както и, махнув рукой, быстро запела:

Вы, табунщички, разини.
В кувшинах водку возили.

Цариха даже встала, топнула ногой, повела рукой, вроде плясала:

А Пахом-то был старшой.
Он кувшин возил большой!
А как чуть-то он качнется,
С кувшина водка польется.

Но тут Турка запнулась, забормотала что-то, потом призналась:

— Забыла я. Ну, не беда... Песня до конца не поется, мужу правда не сказывается... Мда...— И, стукнув байдиком, накинулась на Цариху: — Ты зачем моего деда приманываешь? Гляди, девка.— Погрозила пальцем.

Цариха засмеялась, пожаловалась мне:

— Вот старая! Все деда своего ко мне ревнует. Как выпьет чуть, так и беда.

— «Когда я ды была молода!» — неожиданно запела Турка, но в комнату вошел высокий старик на деревяшке.

— Здорово дневали. Тута моя Турка?

— Вот она,— показала Цариха.— В ревность ударилась.

Старик кашлянул смущенно, расправил усы. Цариха налила ему полную чашку, он пробормотал: «Будем живы»,— с наслаждением выпил. Турка будто вздремнула.

— Домой пойдем, бабушка,— тронул ее старик за плечо.

— Ась? — очнулась Турка.— Это ты, Алексей? Опять к Царихе пришел? Вот я на вас порчу напущу,— застучала она байдиком.

Мы засмеялись. Старик поднял ее с лавки, бережно повел, закутал в шаль, у порога Турка остановилась, поклонилась Царихе, прошамкала ласково, как ничего и не бывало:

— Спаси те Христос. Приходи в гости.

Цариха их проводила, вернулась, стала мне объяснять:

„БАСМАЧ" РАТУЕТ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Перед самым концом 1968 года из Мюнхена была отправлена телеграмма тогдашнему президенту США Л. Джонсону. Во имя благородных принципов демократии и гуманизма автор послания призывает лидера «свободного мира» немедленно порвать все отношения с СССР и другими социалистическими странами, как следует поморить их экономической блокадой, а затем двинуться на коммунистов, в первую очередь на Советскую Россию, всесокрушающим атомно-крестовым походом. Кто же это такой?

Его имя Ярослав Стецко. Некоторым известно, что он Стецко-Карбович. Сам он к своей фамилии обычно прибавляет еще несколько титулов: президент АБН (антибольшевистский блок народов), предводитель ОУН (организация украинских националистов) и — ни много ни мало — премьер украинского правительства.

Да, он так и расписывается: «премьер правительства Украины»! Сказать об этом где-нибудь на Полтавщине или в Запорожье — хохоту сколько будет. Но смех нынче не к месту. Чтобы разглядеть любителя титулов поближе, требуется экскурс в прошлое. А там кровь.

Львовянин Т. Сулим лет десять назад рассказывал мне, что произошло в его родном городе утром 4 июля 1941 года. На рассвете у Вулецких холмов загремели автоматные очереди. В городе хозяйничали группы «эйнзатцкомандо» и молодчики с желто-голубыми нашивками из батальона «Нахтигаль»[1]. Т. Сулим увидел из окна, что «соловьи» и спецкоманда СД расстреливали цвет львовской интеллигенции: писателей, профессоров и академиков — ученых с мировой известностью. Многих Сулим знал в лицо: академика-филолога Бой-Желенского, профессора политехнического института Каспара Вайгеля, профессора права Лангшама де Берье... Он насчитал более тридцати человек.

Убедившись, что дело сделано, отдававший распоряжения «нахтигалевцам» высокий рыжеволосый офицер и другой, обер-лейтенант, сели в машину и уехали. Вскоре их имена стали известны всему городу. То были командир батальона «Нахтигаль» Роман Шухевич и приставленный к нему «политреферент» Теодор Оберлендер. На Вулецких холмах они «работали» вместе последний раз. Дальше их дороги разойдутся. Обер-лейтенант Оберлендер с «соловьями» продолжит поход на восток, отмечая свой

[1] «Нахтигаль» (по-русски «соловей») — батальон националистов, ворвавшийся во Львов в 1941 году вместе с гитлеровской армией.

путь расстрелами до самого Дона. Шухевич останется во Львове, так как за несколько дней до расправы на холмах, в доме на площади Смолки, 4, сборище националистов сформировало «самостийное украинское правительство», и Роман Шухевич в этом «правительстве» получил портфель заместителя военного министра. (Теодору Оберлендеру судьба улыбнулась позже, в министерский ранг его возвели уже после войны, в ФРГ, в бытность канцлера Конрада Аденауэра.)

«Премьером украинского правительства» объявил себя некий оуновец под именем «Карбович», прибывший из Кракова как особо доверенное лицо Степана Бандеры, а попросту — недоучившийся студент из Тернополя Ярослав Стецко, который накануне войны удрал в Германию и подвизался там в роли мелкого осведомителя тайной полиции по кличке «Басмач». Крепко подвыпивший по случаю исторического дня новоявленный премьер сделал программное заявление: «Поднявшаяся вновь Украинская держава будет тесно сотрудничать с великой Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе». По-видимому, не надеясь на то, что его речь услышат в Берлине, Стецко тут же предложил послать верноподданническое письмо лично Гитлеру: «Мы шлем Вам, великому фюреру и первому борцу за всемирный новый порядок, как и Вашей героической армии, наши наилучшие пожелания того, чтобы начатое дело увенчалось полной победой».

Бенито Муссолини тоже получил от главы правительства новой державы «сердечный привет и поздравления по поводу победного марша» итальянских войск, а также заверения в том, что «Украина... займет место... как государство в новом справедливом фашистском строе, перед которым должна поступиться Версальская система».

Однако низкие поклоны главарям фашистской клики остались без ответа. Фюрер и дуче не соблаговолили оказать знаки внимания «государственному мужу» с площади Смолки. Гитлеру в ту пору было не до самозваных премьеров. Ведь существовал «Генеральный план «Ост», которым все было предусмотрено. По нему оккупированные восточные земли становились собственностью третьего рейха, его колониями. Непокорные должны были быть уничтожены, остальные—превратиться в рабочую скотину. И власть над ними должна быть одна — ариец, представитель высшей расы, бог, царь и судья. Делить с кем-либо эту власть, даже видимости ради, нацисты не собирались.

Из Берлина и Рима послы во Львов не прибыли, вместо них в резиденцию правительства явились унтер-офицеры контрразведки 6-й армии генерала Раше, занявшей город, и кабинет Ярослава Стецко пал.

Но отвергнутый премьер цепляется за последнюю соломинку. Он пишет рейхслейтеру Альфреду Розенбергу. Очевидно, считая нацистского «теоретика» своим духовным коллегой, Стецко изливает перед ним душу, выворачивается наизнанку в надежде на его покровительство. После этого некий Ганс Баер, представлявший службу безопасности — СД, встретился с бандеровцем и втолковал ему, что он не с того конца начал, что фюреру и Германии нужны не словесные заверения в любви и преданности, не декларации и послания. Нужно кое-что более существенное.

И Стецко-Карбович вновь оказывается «Басмачом», а бывший командир батальона «Нахтигаль» Роман Шухевич, тоже не успевший вкусить благ министерских, превращается в «генерала Чупринку». Они создают так называемую УПА — украинскую повстанческую армию, стяжавшую себе черную славу разнузданной банды убийц.

Ярослав Стецко и Шухевич вкупе с другими руководителями ОУН заключают соглашение с полицейско-карательным аппаратом гитлеровцев «дистрикта Галициен» и польского «генерал-губернаторства», которым управлял Ганс Франк. «Сотни» УПА действуют заодно с эсэсовцами и зондеркомандами СД, принимают участие в операциях против советских партизан, предают огню целые села, чинят неслыханные злодеяния.

Головорезы с трезубцами на шапках, вооруженные немецкими автоматами, заливают села Прикарпатья, Волыни, Полесья и приграничные польские деревни потоками крови. Пылают пожары. Колодцы завалены телами изрубленных детей, стариков. Оуновская «служба безопасности» — жандармерия националистов,— созданная по облику и подобию средневековой инквизиции, вешает, топит в прорубях, истязает честных людей в тайных застенках. Боевики УПА охотятся на коммунистов и комсомольцев, убивают сельских активистов, жгут хаты крестьян, вступивших перед войной в колхозы, уничтожают учителей и агрономов, военнопленных и даже тех, кто до оккупации выписывал советские газеты. Сотни простых тружеников гибнут от рук проклятых катюг-секирников, как их называли в народе; сколько могильных холмов осталось от тех страшных дней на Львовщине, на Ровенщине, на Тернопольщине...

В 1944 году Советская Армия освободила западноукраинские земли. Банды националистов, потрепанные партизанами, разбрелись по лесам и оврагам. По указке Бандеры и Стецко «генерал Чупринка» собирает остатки своих «стрельцов» и бросает на запад в расчете на то, что они прорвутся в американскую зону. По пути бандеровцы озверевшей стаей набрасываются на польские хутора, оставляют свои кровавые следы в нескольких районах Чехословакии. А те, что не успели присоединиться к «группе прорыва», мечутся по эту сторону кордона. Днем заползают в «схроны», ночью выбираются из нор, грабят магазины сельпо, убивают всех подряд — почтальона и пастуха, колхозного бригадира и лесоруба.

Но время вольной бандитской жизни для них уже кончилось. На секирников обрушился гнев народа. И пощады им не было. В один из дней пришел конец и «генералу Чупринке» — Шухевичу. Переодетый в советскую офицерскую форму, он рыскал в предместье Львова — там и настигла его чекистская пуля.

А Ярослав Стецко?

Этот выходит сухим из воды и объявляется в Западной Германии. После подстрекательской речи Уинстона Черчилля в 1946 году в Фултоне фашистский прислужник, держа нос по ветру, принимается спешно сколачивать в Мюнхене центр того самого «антибольшевистского блока народов», верхушка которого нынче подкармливается из кассы американского ЦРУ. В центр входят бывший белоказачий генерал, бывший грузинский князь, только что снявший погоны гитлеровского офицера, бывший «министр» тисовского марионеточного правительства Словакии, бывший хортист-каратель, бывший белорусский помещик, он же зондерфюрер СД.

Штаб-квартира АБН в Мюнхене тесно связана с профашистскими организациями реваншистов в ФРГ, с разного рода отщепенцами и предателями, сбежавшими в Канаду, Австралию, Южную Америку. Время от времени Стецко созывает это отребье на «ассамблеи», там размахивают кулаками, предают анафеме коммунистов, требуют бросить атомные бомбы на «очаги» социализма, делят между собой страны и перекраивают границы государств, естественно, только на картах. Вот один из документов, которыми забиты столы «секретариата АБН».

«ЦК АБН. № 49/49. Южно-Кавказской делегации при ЦК АБН. В связи с предстоящим изданием карты народов... для разрешения вопроса об установлении границ... с российской державой состоится заседание. Просим прислать представителей. Заседание состоится в Мюнхене, Дахауерштрассе, 9, 11-й этаж, комната 7».

Президент АБН пробует набить себе цену разными трюками. Однажды он втихомолку стал печатать в Мюнхене листок под названием «Харківські вісті» («Харьковские известия») и выдавал его за газету, выпускаемую националистами в глубоком подполье на Украине. Новые хозяева Стецко из ЦРУ быстро раскусили, что их пытаются ублажить фальшивкой. И пригрозили посадить оуновцев за очковтирательство на голодный паек.

Тем не менее, когда там же, в Мюнхене, загадочно и скоропостижно скончался Степан Бандера,— верховного «вождя» ОУН «побратимы» угостили дозой цианистого калия, да еще «для верности» выбросили с третьего этажа,— Стецко все же сумел перехватить лидерство в организации националистов. Памятуя, чем когда-то кончилась его государственная деятельность, он целиком переключился на деятельность политическую. И наконец-таки дорвался до того круга, к которому льнул издавна. Он встретился в Испании с Франко, его принимал в Лисабоне португальский диктатор Салазар, с ним накоротке беседовал Чан Кай-ши, в Сайгоне он еще успел обнять Нго Дин Дьема.

Последнее время старый авантюрист не очень афиширует эти встречи. В его лексиконе появились такие слова, как «демократия» и даже «гуманизм». Но в архиве военного преступника Розенберга была обнаружена и извлечена на свет биография Ярослава Стецко, его собственной рукой начертанная духовная исповедь. В ней он, захлебываясь от восторга, сообщает, что целиком и полностью разделяет и приемлет «программу всеобщего уничтожения» еврейства и считает методы, применяемые фашистской Германией при осуществлении этой «программы», настоящей для себя находкой. «Из моих работ,— пишет он,— ясно видно мое мировоззрение и концепция того, как я представляю себе содержание... государственности..., идеологию. В целом — враждебное марксизму, демократии и всяким классическим демократиям, идеологиям и программам. В политическом аспекте стою на позиции авторитарного строя... близок к национал-социалистической программе».

Таков один из поборников демократии и гуманизма «свободного» мира, Ярослав Стецко, он же «Басмач».

Анатолий СТАСЬ

Киев.

— Алексей младше Авдотьи — Турки-то лет на десять. Первого ее мужа убили в германскую. Он на ей и женился. Дюжа была красивая да хозяйственная. А таперя, видишь, чисто дите.

Вечерело. В курене разлился сумеречный полумрак, окошки с западной стороны подкрасила заря. Я собрался было уходить, стал прощаться с хозяйкой, но в это время в комнату вошел Ленька Дворянкин. Увидев меня, остановился у порога, покосился недоуменно на Цариху, выдохнул:

— Здравствуйте,— шагнул к столу, протянул мне большую корявую руку,— Леонид Иванов. Вас я знаю.

Сел не сел, плюхнулся на табуретку.

— Скряга проклятая.

— А когда скряга, так иди отседова,— осерчала Цариха,— Ступай!

— И пойду! Думаешь, мне твой курень нужен? Жалости у тебя к внучке нету. Сердца у тебя, ханжа чертова, нету.

— Посовестился бы человека ругаться-то,— укорила Цариха.

— А чего мне совеститься! — грохнул Ленька кулаком по столу.— Я правильно требую. Мы еще до суда дойдем, а этот номер у тебя не прорежет. Не прорежет,— с расстановкой повторил он.

— Все равно тебе, Ленька, моего куреня не видать,— тихо сказала Акулина Ильинична.— Деньги я Ольге отписала, всякие сундуки да рахунки тоже, а курень...

— Да подавись ты своими старыми тряпками и энтими деньгами! — заорал Ленька.— Нам, может, жить негде, а она дом — колхозу. Видали старую дуру?!

— Леонид, вы бы повежливее,— не выдержал я.

— Чиво?! — взъярился он.— Я бы на тебя поглядел, какой бы ты был вежливый, если бы у тебя такое случилось. Видишь, ведь она, бабка-то, одной ногой уже в могиле стоит, а дом нам с Олькой отписывать не хочет. А тут еще такую чертовину выкинула: отпишу, говорит, дом колхозу, нехай он там детишков держит. Детский садик хочет сделать. Тута. А? Это что же? Чи колхоз наш бедный, сам не построит? Не те времена ноне, колхозу ее дом сбоку припека, а нас с дому выгоняет.

— Брешешь,— спокойно сказала Цариха.— Никто вас не выгоняет. Дом каменный, сто лет в нем проживете, а мой продать думаете, а себе машину купить.

— А хучь бы и так! Имеем право?

— Вот я и порешила: ты пока пеши походишь, а в курене нехай детский сад будет. Колхоз не отобрал курень, когда деда посадили, да ишо с ремонтом все время помогал. Вот нехай им и пользуется.

Ленька откинулся, расхохотался:

— Видал такую? Властям она дом свой дарит!

Цариха неожиданно схватила рогач, замахнулась на Леньку:

— Марш, подлец, с куреня!

Вернулась в комнату, кинула рогач за печку, села на лавку и расплакалась.

— Мочи моей нету... Все попрекают меня, что курень хочу колхозу отписать... А я им назло отпишу все равно. Сколько лет проработала, в самые худые годы...

Я как мог стал ее успокаивать.

— Порешила я, отпишу колхозу дом, когда на собрании услыхала, что детский садик в хуторе строить не скоро будут. А детишков маленьких по хутору десятка три наберется. Нехай в доме-то живут — вырастут, все Цариху вспомнят... Пойду завтра в правление, скажу Андрею, нехай забирают дом да открывают садик. А я при них няней буду... А то смерть-то, когда она придет? Чего то и не чую ее.

...Шел я в сумерках. Но на душе было светлым-светло, и не думалось ни о смерти, ни о том, что наступила глубокая осень. Повесеннему было тепло, тихо и безлунно.

Дороги репортерские

Мы везем жизнь

Специальные корреспонденты «Огонька» ведут репортаж с завьюженного, скованного трескучим морозом полуострова на Крайнем Севере нашей страны

Ю. ЛУШИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

«Мы улетали на запад, и земля под крылом самолета словно кричала нам по-ненецки: «Я Мал, Я Мал — Край Земли, Край Земли!..»

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Минус 46°. Стынут моторы, замерзает масло...

●

Главный механик Виктор Петрович Лошкарев.

●

Начинается пурга...

●

Топограф Николай Яковлевич Дубровский.

— Дай-ка мне в зубы, чтоб дым пошел,— буркнул в мою сторону Володька Лепихин, не переставая черными от масла и мороза ручищами ворочать баранку КрАЗа.

Я, уже привыкший к фольклору шоферов, тут же тянусь к пачке «Беломора» — «дать в зубы» сначала себе, а потом протягиваю зажженную папиросу Володьке. Тот блаженствует и вроде бы даже меньше терзает свою громадину машину. Третьи сутки она неуклонно ползет по следу, оставленному быстрым гусеничным тягачом Антона Страйгиса. Временами в дымке смутно видится точка — он. Тогда Володька вздыхает и говорит: «Не люблю ехать вторым. Не привык. Первым — люблю...»

Иногда точка движется к нам, приближается чуть ли не вплотную и отворачивает влево или вправо, судя по тому, какие указания даст сидящий рядом с Антоном топограф Коля Дубровский. Мы тоже сворачиваем, и всякий раз при этом Володька наполовину свешивается из кабины, смотрит назад. Там по нашему следу идут «Уралец» и еще один тягач. Идут? Все в порядке... Антон возвращается — стало быть, впереди путь кончился. Либо тонкий лед озера не пускает нас дальше, либо овраг, либо крутой подъем, чего я никак не ожидал обнаружить в тундре. Значит, надо искать объезд...

Трясет по стылым кочкам неимоверно. Все-таки олени действительно лучше, но сколько груза увезешь на них? А наш небольшой караван машин везет несколько тонн — бочки с соляркой, маслом и антифризом. Мы везем все это на буровую Р-3, отрезанную пургой от всего света, везем жизнь. Потому что без солярки буровая станет.

Вглядываюсь в заснеженное ветровое стекло. Хорошая погода. Видимость—метров пятьдесят. И впереди все отодвигается и отодвигается от нас стена из снега и ветра. Метет маленько, как здесь говорят.

— Какой ветер? — кричу я Володьке.

— Это не южный,— сразу угадывает он мое беспокойство.

Не южный — это хорошо. На севере приятнее ветер северный. Даже мне, новичку, известно, что южный приносит пургу, валит с ног, обмораживает щеки, продувает дома насквозь. Я понял это уже на второй день после приезда на базу Новопортовской экспедиции — на мыс Каменный. Очевидно, какой-то юморист назвал это голое, как лысина, песчаное место без малейших признаков камня Каменным. Потом только я узнал автора — штурман Иванов, проводивший здесь в 1828 году съемку. По ошибке он записал ненецкое название этого места Пайсале вместо Пои-сале. «Пои» — значит кривой: берег и на самом деле загнут здесь наподобие клюва орла. А «пай» — камень. Вот с тех пор и пошло — мыс Каменный, который обнаружишь не на всякой современной карте. А между тем его двухэтажные дома, магазины, столовые, детсад имеют паровое отопление. Говорят, на Ямале это самый крупный поселок, и вырос он за несколько лет. Вот здесь-то на второй день после нашего приезда и показал свое коварство южный ветер.

Мы собрались идти на ужин, но, выйдя из дому, не смогли увидеть столовой, которая была от нас метрах в пятидесяти. Прошли шагов пятнадцать, обернулись — пропал наш дом. И соседний тоже. Ни огней в окнах, ни прожекторов на крыше не видно. Только за душу хватающее, какое-то торжественно печальное подвывание ветра и плотная стена снега, несущегося, казалось, со всех сторон. Ужинать почему-то расхотелось. Вернулись. Через некоторое время зашел начальник экспедиции Анатолий Васильевич Гончаров. Сорвал ледяную корку с лица, попросил прикурить и только после этого поздоровался. Поговорили неторопливо о пурге, о делах, и начальник пригласил нас на торжественное собрание — оно будет в столовой, клуб еще только строится. Мы взглянули на окно и бодрыми голосами пообещали хором: «Придем!»

В общем, второй рейд нам удался, и мы, гордые своим героизмом, ворвавшись в столовую, обрадовались свету, теплу, кумачовому столу и красивому лозунгу в праздничной стенгазете: «От «Авроры» к космосу!». Мы не сразу уловили не совсем праздничную тишину и не сразу заметили пугающие своей серьезностью лица. Никто не раздевался, все теснились вокруг хмурого Гончарова. Тут был уже знакомый нам низенький, в черной шубе, моложавый и сильно лысеющий прораб Каминский и парторг Макеев.

— Добровольцы идти на губу — выходи сюда,— наконец глухо и решительно объявил Гончаров.

Мы поняли: что-то произошло.

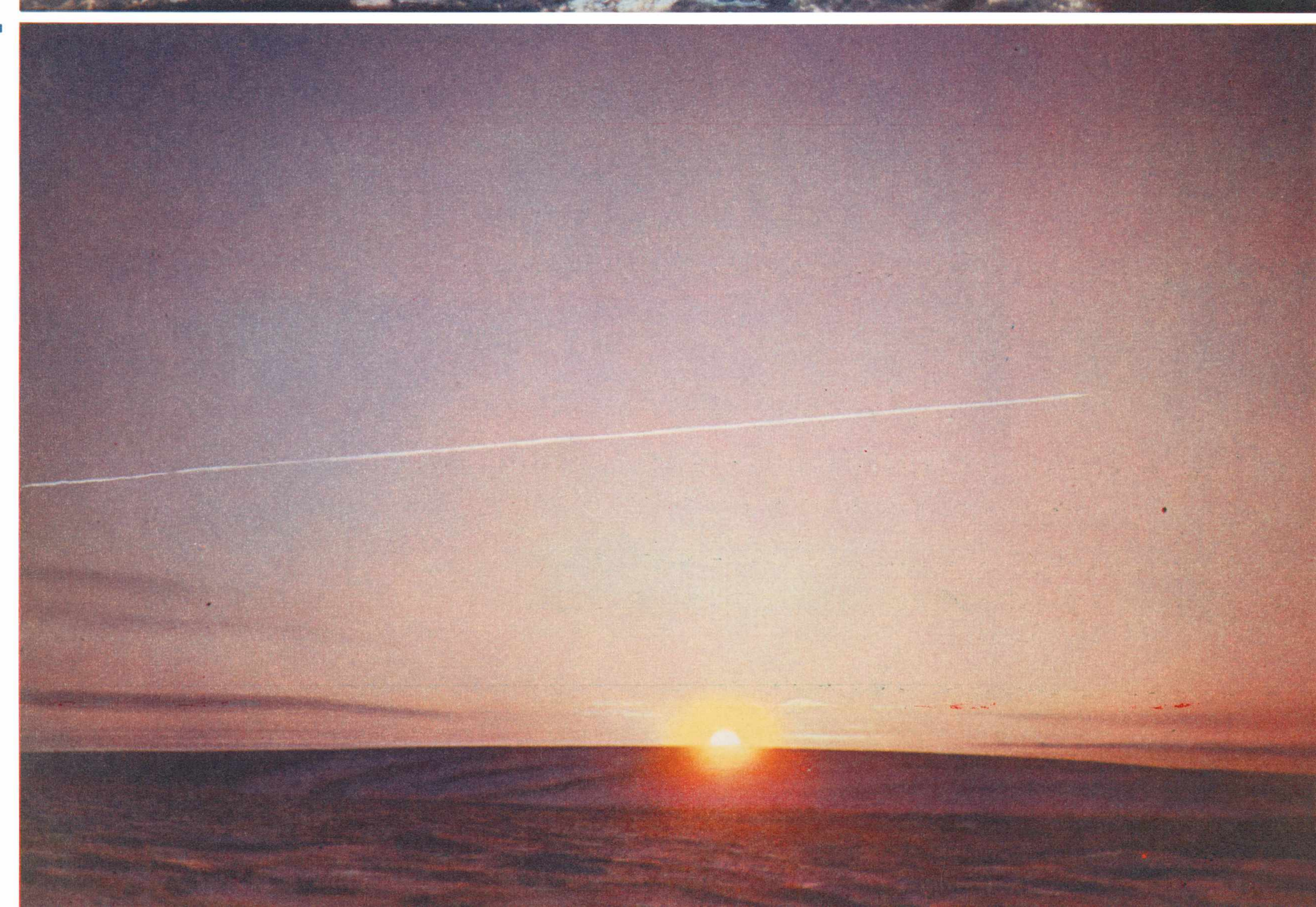
...Три часа назад двое ушли в пургу. Ушли с маленькими ребятишками на руках. И когда здесь узнали об этом, тревога возросла десятикратно. Люди вышли из нового, сегодня только открывшегося детсада и через десять минут должны были быть дома. Прошло три часа, а дома их все нет и нет. Может быть, им вовсе не следовало выходить, поскольку пурга уже набрала силу. Но дом-то рядом.

Уже стреляли из ружей и ракетниц, кричали, облазили вокруг детсада и у дальних складов, заходили на электростанцию. Нигде нет. Метет, завывает южный ветер. Наконец, осталось проверить последнее предположение: заблудившись, они могли пройти мимо поселка и выйти к Обской губе. Там они должны наткнуться на торосы и остановиться. Поисковая партия из добровольцев, вооружившись веревками и ракетницей, вышла в пургу. Торжественное собрание отменялось...

Их нашли через девять часов поиска. Они сидели под бортом вмерзшей в губу баржи, пытаясь согреть ребятишек. Помощь подоспела вовремя. На другой день только плотные сугробы снега чуть ли не под окна вторых этажей остались памятниками вчерашней свистопляски. А жители, встречаясь, говорили: «Разве это пурга! Вот, помню...»

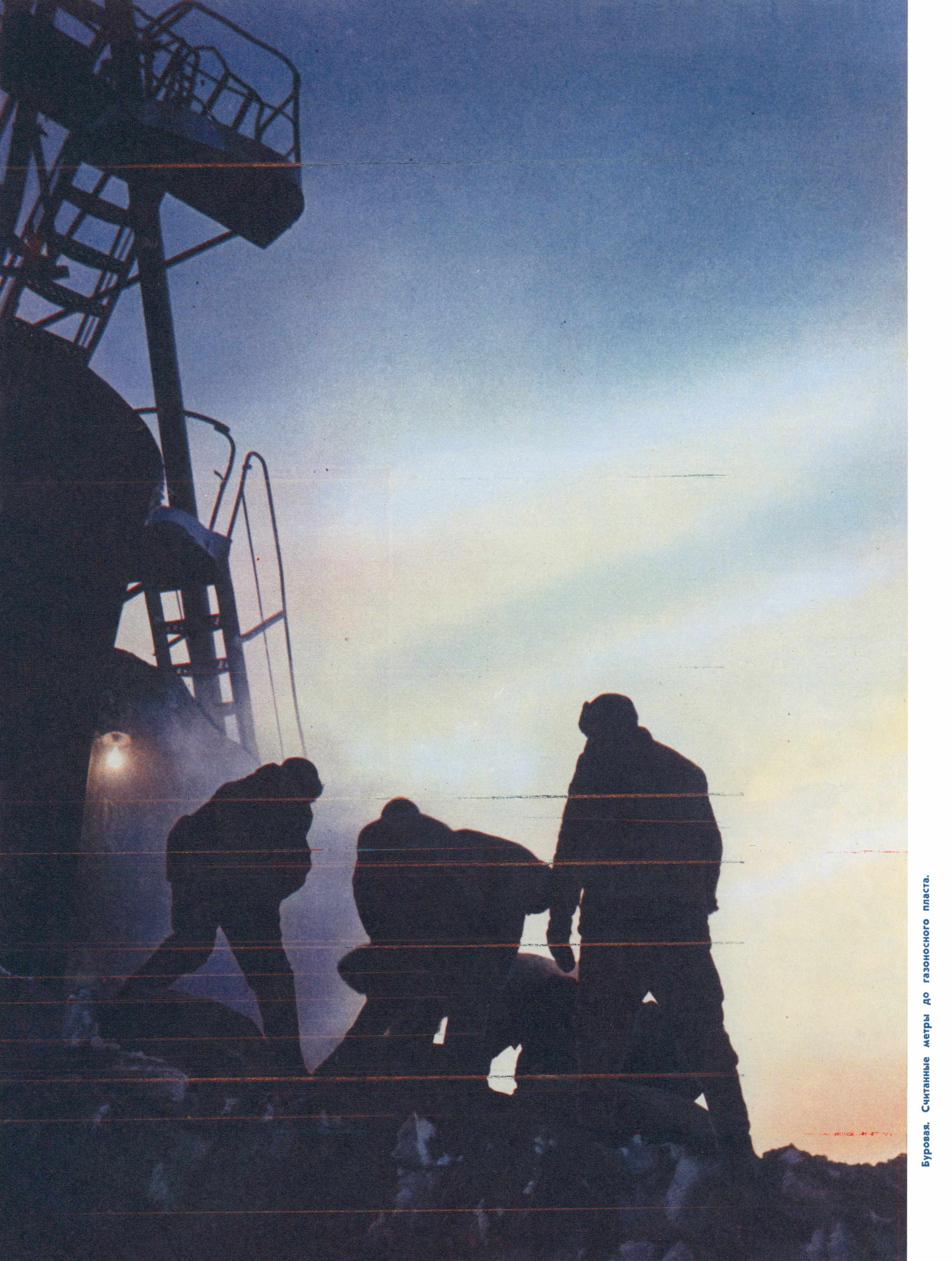
Утро.
Профилактика.

Самолет пошел на Москву.

Буровая. Считанные метры до газоносного пласта.

Погода настолько наладилась, что на буровую Р-3, куда мы жаждали попасть, пошел самолет. Буровики с этой Р-3 со дня на день должны добраться до газа и зажечь победный факел. Но самолет нас не взял.

— Понимаете, ребята,— объяснял нам Гончаров,— плохо сейчас на Р-3. Нет горючего. Либо вас двоих отправлять, либо бочку солярки. Решили — бочку...

— Понимаем,— сказали мы.

— Завтра туда же отправится автопоезд, хотя надежды, что он пробьется, честно говоря, мало.

— Нам с поездом можно?

В глазах Гончарова зажегся огонек интереса, он помедлил немного и коротко отрубил:

— Ладно.— Еще помедлил и добавил: — Трудно вам будет.— И ушел.

...Теперь я вспоминаю, как перед отъездом заместитель начальника экспедиции Владимир Георгиевич Рубан, южанин из Фрунзе, провожая нас, сказал:

— Ну, счастливо. Надеюсь, через двое суток будете на Р-3,— и приказал выдать продукты на десять дней. Правильно сделал.

Идем по тундре уже четвертые сутки. Давим карликовые березки толщиной в палец и высотой с гриб. Парни подшучивают: повезло, дескать, нам. Мороз всего-навсего сорок, да еще несколько часов светит солнце. А вот скоро совсем темно станет. А сейчас, как говорят ненцы, месяц Малой темноты. Сегодня действительно светит солнце, и не одно, а целых три. Если бы рассказали, никогда бы не поверил. Вокруг светила непривычно громадный светлый круг—может, отражение того самого Полярного круга, внутри которого мы едем, а по сторонам его висят еще два несколько вытянутых по вертикали ослепительных шара поменьше. Три солнца остаются у нас все время с левой стороны, а справа уже повисла бледная грустная луна. К вечеру она как будто веселее, набирает яркость и заливает призрачным светом снежное безмолвие. Караван встает на ночлег на берегу узкой речушки Тоё-Сё, которую мы тут же ни за что ни про что переименовали в Нито-Нисё. У одной из машин собирается консилиум, профессора копаются в моторе голыми руками — техника должна быть безотказной. А руки, руки у них не свои, что ли? Помощник топографа Олег Мушенко устанавливает внутри кузова вездехода газовую плитку, достает тушенку. Мы как будто ему помогаем, а сами ждем не дождемся, когда наконец эта треклятая кибитка обогреется...

А потом все пойдет своим чередом. Будет потрескивать на обширной семейной сковороде гречневая каша с мясом, а в дверь начнут вваливаться по очереди веселый и чумазый Антон («А где моя большая ложка?»), механик Лошкарев, смахивающий на медведя средних размеров, и парторг Макеев, и губастый, щуплый и хитрющий Миша Тазов, классный шофер, между прочим... В общем, соберутся все, и мы вдесятером усядемся в такой невозможной тесноте, что и руку вытянуть за кашей — проблема. Потом, вот так же сидя, мы будем спать, примерзая спинами к стенам и защищая носы от падающих с потолка капель. Но это еще не скоро. До этого состоится виртуозная и традиционная перепалка Миши Тазова со Славой Лопушинским по поводу арктической солярки, антифриза и каких-то рычагов в машине Славы. А когда Слава утомится, все тот же неугомонный Миша Тазов начнет свои бесконечные истории. Вначале забавные. А потом как-то незаметно разговор перейдет на серьезное. Расскажут, как Коля Дубровский, который ведет нас по тундре от репера к реперу, каким-то чудом угадывая в этой пустыне направление, замерзал однажды трое суток в заглохшей машине (вывез его тогда, между прочим, Миша Тазов). А сам Коля будет в это время молча курить в своем углу. Или как Володька Лепихин на полной скорости нырнул с машиной под лед — шел первым.

В биографии каждого из них по нескольку таких историй, но не всякий раз они их расскажут. Потому что это не просто байки. В тот вечер Олег Мушенко вспомнил такую...

— Выброс случился неожиданно. Ты знаешь, что такое выброс? Это беда буровиков, ЧП, авария. Это необузданный фонтан нефти или газа, который от случайной искры может полыхнуть страшным пожаром. Вот что такое выброс. И он случился как раз на этой Р-3, куда мы везем солярку. Только тогда буровая называлась Р-1— первая скважина на Арктической площади. Бурилась она на нефть и газ, но всем хотелось увидеть нефть. Есть такие надежды и теперь. По графику дошли до отметки 2 300 метров, и бурильщики уступили место геофизикам. Те подтащили свой вагончик поближе к буровой и начали каротаж — геофизические исследования непосредственно в скважине. Закончили его и по рации передали на базу — все, мол, хорошо. Знали, чем обрадовать Гончарова в день его рождения. И «обрадовали». Уже под вечер, наступила пора белых ночей, и было светло, поварихи в вагончике-столовой, который находился ближе остальных к буровой, услышали сильный гул. Думая, что наконец-то пришел вертолет с продуктами, они выскочили за порог и ужаснулись. Из скважины била мощная струя газа, смешанная с раствором, с грязью и водой. Летели пудовые куски породы и искры. Почему тогда газ не вспыхнул, до сих пор непонятно. А фонтан был мощный. Говорили, им можно было бы обогреть целый Омск. Немедленно оттащили все вагончики в безопасное место. Их пришлось оттаскивать еще несколько раз, потому что ветер менялся и фонтан бросал глыбы породы как раз в их сторону. Метров на триста. Прилетел Гончаров — он так и не успел откупорить праздничную бутылку шампанского. Из Тюмени вызвали аварийную бригаду Николая Григорьева, о мужестве которого ходят легенды. Он прилетел, хмуро и укоризненно единственным глазом (другой потерял после ранения под Ленинградом) взглянул в лица бурильщиков и спросил: «Как дело было ?» С этого момента он стал хозяином буровой. Скажет: «А спички, друзья, оставьте в вагончике. У меня тоже двое детей»,— и первым идет к фонтану. А идти жутко! Подходишь ближе, и от вибрации так начинает трястись нижняя челюсть, что приходится придерживать ее рукой. Рев оглушает, хоть и надеваешь наушники, настолько, что потом в вагончике изъясняться приходится жестами: голоса не слышно...

На четвертые сутки фонтан вдруг было утих сам собой, дал людям передышку. А через несколько часов стихия снова показала свою силу. Но теперь было легче. Только на девятые сутки скважину наглухо задавили цементным раствором. Джинн успокоился на глубине 800 метров. Теперь дорогу к нему ищут на Р-3.

Я был на том самом месте. Эта буровая находится где-то посередине Ямала. Пятеро суток на автопоезде пробивались мы к ней, но так и не дошли. Прошли по прямой всего 80 километров, меньше половины пути, и застряли. Пришлось выгрузить бочки с горючим на месте будущей первой скважины на Средне-Ямальской площади. Работы на ней начнутся уже с января. Так что выстрел не был холостым. А на Р-3 мы все же попали. Но уже самолетом. Здесь еще ждали и надеялись на автопоезд — молва увеличила его размеры уже до десятка машин. Наше появление оборвало эти надежды. И теперь мы ждем тут, когда зажгут газовый факел,— работы идут к концу. Обещают не сегодня-завтра. Мы представляем себе, как это будет красиво. Вот бы посмотреть! Молодой геолог Мирослав Стасюк наши мечты воспринимает явно иронически и к тому же в пух и прах разбивает меня в шахматы.

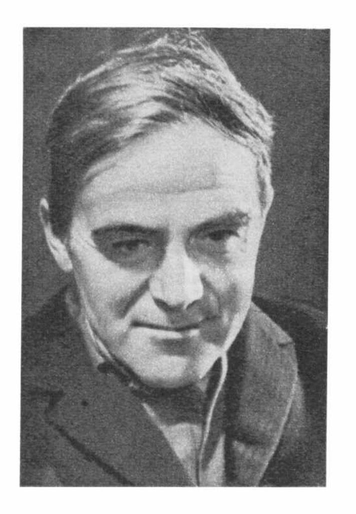
Закончив сражение, мы идем с ним на буровую — вахту там несет наш сосед по вагончику, бурильщик Валерий Ляшко. Работа «героев, освещающих тундру», тяжела и однообразна: подъем труб, опускание, метров десять бурения и снова подъем — спуск. И так до тех пор, пока не дойдут до проектной отметки. Здесь 809 метров. Но в этой кажущейся простоте столько сложностей, что они не умещаются в толстом томе инструкций и ежедневно доставляют буровикам поводы для споров в свободное время между вахтами.

...Вечером нам сообщили: факела скоро не ждите. Снова на пределе солярка, а погода нелетная. Не везет... Однако через два дня на буровую пробился самолет с тремя бочками солярки на борту и взял обратно шесть человек.

Мы улетали на запад, и земля под крылом самолета словно кричала нам по-ненецки: «Я Мал, Я Мал — Край Земли, Край Земли!..»

Край мужественных людей, край будущего.

Д. А. ГРАНИНУ — 50 ЛЕТ

Даниил Гранин вошел в литературу после Отечественной войны, отвоевав на фронте танкистом, повидав и испытав многое. Инженер по своему «производственному профилю», он отлично знает среду научно-технических работников, умеет находить в их профессии романтику, поэзию поиска. Секретариат правления Союза писателей СССР в приветствии юбиляру писал: «Вы пришли в литературу человеком, умудренным уже немалым житейским опытом. Суровые испытания в боях за родную страну в танковых частях Ленинградского фронта, ответственная работа инженером на Кировском заводе вооружили Вас знанием жизни народа».

В 1949 году была опубликована повесть Д. Гранина «Спор через океан» — вещь зрелая, лишенная каких бы то ни было черт скороспелости, ученических заимствований, сразу же обратившая на себя внимание читателей и критиков. Через два года вышла книга «Ярослав Домбровский» — о славном герое Парижской коммуны, а в 1954 году — роман «Искатели», доставивший автору широкую известность. О нем сразу заговорили как о крупном мастере, смело вторгающемся в жизнь, подвергающем рассмотрению важнейшие проблемы современности.

В романе передовые люди в борьбе против бюрократов и карьеристов одерживают победу. Их пример учит молодежь бесстрашно идти вперед, ибо все старое и косное всем смыслом советской жизни обречено на поражение.

В 1958 году вышел роман «После свадьбы» — о молодом изобретателе, посланном комсомолом на работу в колхоз, а в 1962-м — роман «Иду на грозу», в котором автор снова обратился к знакомой ему области — жизни научного института. Передовой ученый, целеустремленный человек, Крылов в жестоком столкновении одерживает верх над себялюбцем Тулиным, и эту победу читатель воспринимает с радостью, как победу партийного, советского начала над эгоизмом, мелочностью, двоедушием.

В своих романах, повестях, очерках, рассказах Даниил Гранин предстает перед нами строгим, взыскательным художником, умеющим точными и весомыми словами выразить глубокую мысль. Его произведения заставляют размышлять, думать, глубже всматриваться в жизнь, искать и находить, волноваться и радоваться.

Пятьдесят лет — возраст, когда широко распахнуты дороги, когда взор ясен и целеустремлен, когда новые замыслы имеют просторы для осуществления.

Пожелаем же долгих лет жизни талантливому советскому прозаику Даниилу Гранину.

Н. КРУЖКОВ

Дело по обвинению...

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Напрасно я надеялся, что смогу быстро забыть Анжелику. Прошло уже две недели, а я все еще, словно наяву, видел, как она стоит у дверей своей квартиры. Обычно мне удавалось отогнать мысль о ней, но, случалось, я целиком оказывался во власти воспоминаний и, очнувшись, замечал, как бьется у меня сердце. Десятки раз я изобретал самые немыслимые предлоги, чтобы повидать ее, и десятки раз отказывался от них и начинал еще сильнее ненавидеть Анжелику за ее власть надо мной.

Как ни парадоксально, но, мысленно изменяя Бетси, я все больше тянулся к ней, все больше начинал понимать, какой непоправимой бедой была бы потеря Бетси и всего, что пришло ко мне вместе с ней. Сознание того, что я скрыл от жены две встречи с Анжеликой, лишь усиливало чувство виновности. Бетси сделала меня счастливым, она дала дом Рикки и мне, а главное, верила в мои силы, за что я испытывал к ней особую благодарность. Наконец, я же любил ее!

Оба мы были очень заняты — я на службе, а Бетси вместе с Полем — подготовкой весенней кампании по сбору пожертвований для Фонда. Из Флориды сообщали, что состояние мистера Лэмберта значительно хуже, чем можно было надеяться. Врачи почти не сомневались, что ему придется уйти в отставку. Дважды за это время Ч. Д. удостаивал нас с Дэйвом Мэннерсом высочайшей аудиенции (разумеется, по отдельности). Дважды я думал, что Ч. Д. предложит мне пост вице-президента, и дважды он только мучил меня неясными намеками и обычной высокопарной болтовней. Потом в довершение ко всему я отчаянно поругался с ним из-за одного нашего крупного клиента. Я не сомневался, что прав я, а не Ч. Д., и потому упорно стоял на своем. Ч. Д. накричал на меня и тут же пригласил Дэйва Мэннерса на обед.

Во время совместной жизни с Анжеликой я считал себя человеком, начисто лишенным честолюбия, но давно забыл об этом, как забыл и о своем призвании писателя. Мне очень хотелось получить повышение по службе не только в пику Дэйву Мэннерсу, но и потому, что в материальном отношении я все еще зависел от Бетси. Она отказалась жить на средства отца, но ее мать знала, что отец во всем предпочитает свою любимицу Дэфни, и потому оставила Бетси бо́льшую часть собственного состояния. Из этих средств Бетси производила все свои расходы, вносила половину квартирной платы и содержала няню Рикки. Никаких недоразумений на сей счет у нас не возникало, Бетси считала само собой разумеющимся, что деньги у нас общие. Но меня всегда коробило, что львиную долю расходов все же несет она, и в этом я видел единственную неприятную сторону нашего брака.

О Джейми и Дэфни я вообще не вспоминал. Мне было известно непостоянство Дэфни, и я не сомневался, что она бросит Джейми так же быстро, как и подхватила. Однажды из любопытства я заглянул в его рукопись. Роман показался мне претенциозным, скучным и абсолютно безнадежным. Не без удовлетворения я решил, что Анжелика так же плохо разбирается в литературе, как и в людях.

Именно поэтому я оказался захваченным врасплох, когда однажды вечером, уже после того как мы пожелали Рикки спокойной ночи, Бетси вдруг спросила:

— Кто этот Джейми Лэмб? Сегодня утром в канцелярию Фонда пожаловала Дэфни и буквально прожужжала нам все уши о нем. По ее словам, он твой друг.

У меня мелькнула мысль, что вот сейчас можно бы легко рассказать Бетси об Анжелике. Но я растерялся.

— Писатель... Точнее, будущий писатель.

Бетси внимательно смотрела на меня, чуть сдвинув брови. Она стыдилась, что иногда ревновала Дэфни ко мне, и потому всегда проявляла к ней чересчур трогательную заботу.

— Он мил?

— Мил?.. Не сказал бы. Но...— Я снова упустил благоприятную возможность.— Но я почти не знаю его. Получилось так, что он как раз сидел у меня в кабинете, когда зашла Дэфни. Это тот самый человек, из-за которого она не пошла со мной на ленч. Да ты, конечно, помнишь.

— Ах, этот! Кажется, тут что-то происходит. В субботу на прошлой неделе Дэфни притащила его в загородный дом отца, и Ч. Д. был прямотаки очарован. Сейчас Дэфни не дает мне прохода, хочет познакомить с ним и даже настояла, чтобы я пригласила ее и Лэмба пообедать у нас. В конце концов я согласилась. Они придут в четверг. Я пригласила и Фаулеров, возможно, будет не так скучно. Ты не возражаешь?

— Нисколько.

— Биль, ты же не имеешь ничего против этого молодого человека, правда?

Я внезапно вспомнил, как целовал Анжелику, и почувствовал бесстыдное желание и одновременно злорадное удовлетворение при мысли, что ее гениального возлюбленного кто-нибудь уведет у нее из-под носа, например, Дэфни.

— Нет,— ответил я,— не имею.

— Вот и хорошо. К тому же все это, вероятно, не имеет никакого значения. Все равно через неделю она забудет о нем, как забыла о многих.

Бетси заговорила о чем-то другом, а я упустил третью и последнюю возможность рассказать ей все. Я прекрасно понимал, что из-за трусости совершаю грубую ошибку, которая в конечном счете может обидеть Бетси значительно серьезнее, чем сейчас ее могло бы обидеть любое мое объяснение. Мне казалось, что на моем пути теперь много волчьих ям, и я очень опасался предстоящего четверга.

Однако уже вскоре после того, как гости собрались, я увидел, что Джейми озабочен прежде всего тем, чтобы произвести выгодное впечатление, и не собирается ставить меня в неловкое положение. Весьма неохотно я вынужден был признать, что он безупречно играл свою роль. Джейми ловко делал вид, что не придает никакого значения своей красивой внешности. Он не бахвалился и в то же время тактично давал понять, что пользуется давно установившейся литературной известностью. Выяснилось, что он не только знаком с Проп, но даже вырос вместе с ней в одном и том же маленьком калифорнийском городке. Его добродушно-шутливые воспоминания о совместном детстве с Проп не только возвысили ее в собственном мнении, но заставили Поля перейти с Джейми на дружескую ногу. Даже Бетси, которой он до этого не нравился и которая обычно слепо воспринимала мои предрассудки, начала перед ним таять. Я-то видел это совершенно ясно. Дэфни же буквально не сводила с Лэмба глаз и все время выставляла его напоказ с таким удовлетворением, словно сама его вылепила.

Бетси, как всегда, умело играла роль опытной хозяйки, но, несмотря на это, вечер целиком принадлежал Джейми. Я понял, почему он сумел «очаровать» Ч. Д. Скажу больше: я начал понимать, хотя открытие было не из приятных, почему он оказывал такое влияние на Анжелику. Я знал, что Лэмб неврастеник, прохвост, что он опасен, и тем не менее не мог найти в его поведении ни малейшего просчета, уцепившись за который я сумел бы доказать справедливость моего мнения о нем.

После обеда Дэфни улучила момент, чтобы остаться со мной с глазу на глаз. Она была во всем черном и в этом неудачном наряде сразу как-то подурнела и стала похожей на высохшую старую деву.

— Ну не прелесть ли он?!

— Недурен, ничего не скажешь.

— Я выхожу за него замуж.

Впервые за весь вечер с меня словно рукой сняло то неестественное спокойствие, в котором я пребывал.

— Он уже сделал тебе предложение?

— Пока нет.— В глазах у нее загорелся такой же огонек, как у Ч. Д.— Но это проще простого.— Пытаясь меня задобрить, Дэфни положила свою руку на мою.— Биль, милый, ты мне поможешь? Ты всегда был моим союзником. У него нет и цента за душой, и за все придется платить мне. Бетси начнет возражать, отец, конечно, устроит ужасную сцену. Могу я рассчитывать на твою помощь?

К счастью, к нам кто-то подошел, и разговор прекратился. Но я-то понимал, что Дэфни говорила серьезно. У меня, разумеется, не вызывали сомнений планы Джейми. «Его единственная цель — жениться на богатой наследнице...» С предчувствием чего-то дурного я подумал, что затеял нечто такое, чем управлять уже не в состоянии.

В конце вечера Бетси ушла с женщинами одеваться, Поль отправился в туалет, и мы с Джейми остались одни. Мило, как закадычному другу, улыбаясь, он сейчас же подошел ко мне.

— Чудесный вечер, Биль! Твоя жена — замечательная женщина. Я очень ее уважаю.

— Вот и хорошо.

Джейми стоял так близко, что я мог слышать исходивший от него запах дорогого коньяка.

— Биль, дружище, хочу попросить тебя о маленьком одолжении.

— А именно?

— Вероятно... Да нет, что я! Мне же точно известно. Лика здесь не бывает, правда? Я хочу сказать, твоя бывшая и твоя теперешняя жена не поддерживают дружбу? Это сейчас модно.

— Нет, не поддерживают.

— Я даже уверен,— он снова очаровательно улыбнулся, отчего на щеках у него обозначились ямочки,— что ты вообще ничего не рассказываешь Бетси о Лике.

— Нет, не рассказываю.

— В таком случае вот что, Биль. Сделай одолжение, если увидишь Лику, ничего не говори ей о Дэфни. Видишь ли, Дэфни изумительна и... в общем, она больше подходит мне по возрасту. Никогда еще не встречал такой девушки! Впрочем, ты и сам знаешь. Я не хочу причинять Лике боль, постараюсь как можно мягче объяснить ей все, когда придет время. Ты понимаешь?

Все это было настолько нагло, что я не сразу обратил внимание на плохо завуалированную угрозу в его словах и на то, что он предлагает мне пакт о нейтралитете.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

— Я делаю это только ради Лики. Честное слово, Биль. Она так болезненно все воспринимает и...

Болтая и смеясь, в комнате появились женщины. После ухода гостей Бетси заметила:

— Дорогой, может, я ужасно тупа, но Джейми показался мне очень милым. Больше того, я даже подумала, что Дэфни повезло больше, чем она того заслуживает. Интересно, есть ли у него средства?

— Сомневаюсь.

— Ну ничего. Ведь он же так молод и, видимо, так талантлив! Обед прошел замечательно, ты согласен? Я пригласила их заходить в любое время.

Действительно, уже на следующей неделе Дэфни и Джейми побывали у нас дважды — один раз просто так, выпить по бокалу коктейля, а другой раз во время вечеринки в честь известной актрисы Елены Рид, которая изъявила желание помочь Бетси в проведении весенней кампании по сбору средств в Филадельфии. Уже во время первого из этих визитов стало еще виднее, что Дэфни влюблена до одури. Правда, про Дэфни с ее легкомыслием вряд ли можно было сказать «влюблена», но тем не менее вела она себя именно как одуревшая. Ей очень понравилось, когда в некоторых газетах их назвали «парочкой пылких влюбленных». По молодости лет ей еще льстила всякая гласность. Во время второго визита оба явились несколько навеселе. Дома Дэфни почти ничего не пила: Ч. Д., несмотря на всю свою снисходительность, совершенно не переносил, когда выпивали молодые девушки. Вероятно, это было единственное, чем Дэфни могла привести его в дикую ярость. Я сразу понял, что Бетси заметила состояние Дэфни и, как полагается отпрыску Ч. Д., была неприятно поражена.

В тот вечер они объявили о своей помолвке, хотя пока ничего не говорили Ч. Д. Эту новость они собирались сообщить старику через неделю в Ойстер-бей и, по их словам, пришли к нам, чтобы заручиться нашей моральной поддержкой.

Подобный финал не явился для меня неожиданностью. И все же в силу различных обстоятельств, а точнее, из-за злорадства, я молчаливо поддержал юную парочку. Вообще-то я оказался в таком двусмысленном положении, что не мог ничего возразить. Меня не оставляла смутная надежда, что Бетси, всегда такая практичная, спустит дело на тормозах. Но я забыл о способности Джейми очаровывать женщин, а также о присущем Бетси, хотя и тщательно скрываемом, нежелании показаться завистливой старшей сестрой. Вот почему она без колебаний, разве что несколько сдержанно, обещала им свое благословение.

Джейми и Дэфни не захотели принять участие в нашей вечеринке, и, когда они собрались уходить, я заметил в глазах Джейми плохо скрываемое торжество. Иной на моем месте принял бы его за обычное в таких случаях волнение, но я бы назвал это возбуждением фанатика, достигшего своей цели. Вот так же, наверно, выглядел Наполеон в тот день, когда ему предложили императорскую корону. Джейми впервые сбросил маску, но не сомневаюсь, что Бетси так ничего и не заметила.

Когда мы прощались и Дэфни наградила меня поцелуем, а Джейми изо всех сил потряс мне руку, я внезапно подумал об Анжелике. Что она делала в тот момент? Сидела в полном одиночестве в своей ужасной квартире, в нелепом кресле с оленьими рогами, и смиренно, как заколдованная, ждала крох, которые могут выпасть на ее долю? («Он же по-своему любит меня!») Будь я последовательным в своих чувствах, эта мысль доставила бы мне злобное удовлетворение, но я испытывал только паническое ощущение своей вины.

Меня все еще мучили воспоминания об Анжелике, когда мы с Бетси сели перед камином.

— Отец совсем не обрадуется,— заметила Бетси.— Он не хочет, чтобы Дэфни выходила замуж, во всяком случае, сейчас. Ему нужно как можно дольше держать ее при себе. Если он и думает о своем новом зяте, то считает, что им должен быть по меньшей мере герцог.

— Но я-то не герцог.

— Правильно. Но и я не Дэфни. Он терпеть не мог меня, как ни старалась я завоевать его любовь. Он еле дождался, пока отделался от меня.

Голос Бетси дрогнул. Уже много месяцев я не слышал, чтобы она говорила о себе с таким самоуничижением. Ее замечание на минуту отвлекло меня от неприятных мыслей.

— Ты же знаешь, дорогая, что это совсем не так.

— Так! Я напоминаю ему мать, а он ее ненавидел, он женился на ней до того, как разбогател, и всегда считал, что слишком уж она проста и компрометирует его. Однако мать верила в силу любви и всегда его любила.— В каком-то порыве, почти в исступлении Бетси повернулась ко мне.— Биль, мы поженились только потому, что любим друг друга, правда?

Внезапно любовь и нежность к моей жене охватили меня, вытесняя воспоминания об Анжелике. Я обнял Бетси и поцеловал.

— Крошка моя, ну к чему такой вопрос?— Бетси на мгновение прильнула ко мне, потом, овладев собой, улыбнулась.

— Видишь ли, Дэфни любит этого мальчика, и любовь заставила ее измениться. Это ни у кого не вызывает сомнения, как не вызывает сомнения и то, что она совсем испортится, если и дальше останется с отцом. Именно поэтому мы обязаны им помочь.— Бетси помолчала.— Вообще-то главный разговор произойдет между тобой и отцом. Они встретились с твоей помощью, и всю ответственность отец возложит на тебя.

Я снова почувствовал страх, на этот раз за самого себя. Бетси права, виновным в случившемся Ч. Д. будет считать меня. Как же я не подумал об этом?! Отчетливо, словно это уже происходило в действительности, я представил себе мучительное объяснение с Ч. Д.: «И это позволил себе мой зять...»

И опять у меня мелькнула мысль непременно, хотя бы для спасения собственной шкуры, рассказать все Бетси и сорвать нелепую помолвку. Из-за моего длительного молчания дело покажется Бетси значительно хуже, чем есть; я знал, как болезненно будет она реагировать на все, что услышит, и как отрицательно скажется это на наших дальнейших отношениях. Но иного выхода я не видел.

Я уже налил себе вина, чтобы набраться смелости, но тут приехала Елена Рид со своей свитой и пробыла до четырех часов утра. На следующий день я поздно возвратился со службы и помчался вместе с Бетси на званый обед. И тем не менее я намеревался объясниться с женой в тот же вечер; чем дальше я откладывал наш разговор, тем труднее он мне казался. Но тут произошло нечто такое (к своему стыду, я тогда считал это удачей), что избавило меня от тяжелого объяснения.

Часов около двух ночи (мы только что вернулись из гостей и собирались ложиться спать) раздался пронзительный звонок. Я набросил халат и открыл дверь. На пороге стояла Дэфни. И в каком виде! Мертвенно бледная, правый глаз затек, вечернее платье под норковым манто разорвано на груди... Увидев меня, Дэфни истерически разрыдалась и упала мне на руки. От нее сильно пахло вином.

Я привел ее в гостиную, куда, заслышав шум, тотчас прибежала Бетси. Мы уложили Дэфни на кушетку и с трудом заставили объяснить, что произошло. Оказывается, Джейми завел ее в какой-то притон и напоил, потом привез на свою квартиру и, словно в припадке помешательства, набросился на нее и принялся избивать. Дэфни была не так пьяна, как Джейми, ей удалось вырваться и выбежать из квартиры; кто-то из жильцов дома увидел девушку на лестнице и нашел для нее такси. У Ч. Д. была в городе квартира, но Дэфни не решилась показываться у отца, опасаясь прислуги, и примчалась прямо к нам.

Страх перед Ч. Д. довел Дэфни до такого состояния, что она потеряла способность здраво рассуждать и действовать. Во всяком случае, не могло быть и речи о том, чтобы отпустить ее в Ойстер-бей одну. Она не переставая твердила, что боится Ч. Д.

— Он убьет меня, если узнает. Если он увидит меня... Я же обещала вернуться домой часам к двенадцати. Бетси, ты должна как-то объяснить папе...

Никогда еще мне не приходилось видеть Бетси такой разгневанной. Дэфни частенько выводила ее из терпения, но фамильная честь Кэллингхемов всегда оставалась для жены священной, и оскорбление, нанесенное одному из членов династии, превращало Бетси в львицу.

Мы отвели Дэфни в комнату для гостей, затем Бетси позвонила отцу. Он еще не ложился и бушевал вовсю. Бетси рассказала ему тут же придуманную историю, будто Дэфни тоже была на вечеринке, потом приехала к нам, и тут все выяснилось: Бетси думала, что Дэфни заблаговременно предупредила отца, а Дэфни решила, что это сделала Бетси... Ч. Д., конечно, грубо накричал на Бетси, но той было не в диковинку, она всю жизнь принимала на себя вину Дэфни и отдувалась за нее.

Лишь после этого все мы смогли лечь спать.

— А в общем-то, все к лучшему,— сказала Бетси.— По крайней мере теперь мы знаем, что он за человек.

— Вот именно.

— Скажи, Биль, он потому и не нравился тебе? Ты знал, что представляет собой этот тип?

— Нет,— солгал я.— Просто я питал к нему антипатию...

— И подумать только, я-то уж совсем было согласилась с их женитьбой! Ну, с этим кончено.

— Разумеется,— согласился я и со стыдом подумал, что уж теперь-то я навсегда теряю возможность во всем признаться Бетси.

На следующее утро мы прямо ахнули, взглянув на заплывший, изуродованный глаз Дэфни. Она чувствовала себя отвратительно и ежеминутно готова была впасть в истерику. Бетси снова позвонила Ч. Д. и упросила позволить Дэфни прожить у нас в Нью-Йорке несколько дней и помочь ей, Бетси, начать весеннюю кампанию по сбору пожертвований. Дэфни провела у нас три дня. Когда она уезжала, опухоль вокруг глаза все еще была довольно заметна, но сама Дэфни вновь стала той же ветреной особой. Чувствуя себя в полной безопасности, ибо мы укрыли ее от гнева Ч. Д., она уже рассматривала все происшедшее как «шальную волнительную проделку».

— Папке я скажу, что налетела на дверь,— заявила она, хихикая и поглаживая синяк.— Ну и ну! И в какие только переделки я не попадаю!

«Что и говорить!» — подумал я, но не мог поверить своим глазам, когда дня через три в ресторане «Двадцать один», где у меня был назначен деловой ленч, увидел Дэфни и Джейми. Дэфни вызывающе помахала рукой, а Джейми даже подобострастно привстал со стула. В течение всего ленча я видел, как они болтают, смеются и флиртуют.

Возвратившись со службы, я сразу позвонил Бетси. Сначала она приняла мои слова за шутку, но потом заявила, что сейчас же примет меры. Вечером она рассказала, что устроила большой скандал Дэфни; та вела себя вызывающе, не скрывала, что по-прежнему без ума от Джейми, и начала изобретать всякие нелепые объяснения, только бы его обелить. Лишь после того, как Бетси пригрозила рассказать обо всем Ч. Д., она пообещала порвать с Джейми.

Мы с Бетси не очень-то ей поверили, но добиться большего пока не могли. Спустя несколько дней Бетси, так и не успокоившись, уехала с Еленой Рид дня на три в Филадельфию, где им предстояло начать кампанию по сбору пожертвований, а я остался с Рикки и его няней.

Эту няню — ее звали Элин — я терпеть не мог. Изворотливая, надменная блондинка, вывезенная из Англии, она постоянно подчеркивала, что жалованье ей платит Бетси, а не я. Для нее было законом любое слово Бетси или когонибудь другого из Кэллингхемов, я же ровным счетом ничего в ее глазах не значил. Бетси тоже не испытывала к ней особой симпатии, но считала опытной и надежной няней и потому не хотела ее менять. К тому же, как это свойственно всем мачехам, она была не очень уверена в привязанности Рикки и опасалась, что другая няня завоюет сердце ребенка.

После отъезда Бетси управление всем домашним хозяйством перешло в руки Элин. Я не переставал скучать по Бетси, и тем не менее все чаще и чаще мне в голову приходили предательские мысли об Анжелике.

Вечером на второй день после отъезда Бетси я сидел дома один. Врач вырвал Рикки зуб, что являлось из ряда вон выходящим событием, и поэтому я должен был ему читать, пока он не уснул. Наша кухарка в тот вечер не работала, и Элин накормила меня холодным ужином. Несколько раньше позвонил Поль. Он только что вернулся из Филадельфии и сообщил, что у Эксплуататорши и Елены Рид все идет превосходно. Поль приглашал меня провести вечер с ним и Проп, но я был не в настроении и отказался. После ужина я уселся перед камином, собираясь почитать, но уже вскоре вопреки желанию стал думать об Анжелике и отложил книгу.

Внезапно я ощутил какую-то раздвоенность. Я понимал, что вполне счастлив с Бетси, что ей нужна моя любовь, даже, возможно, больше, чем ее любовь мне. Анжелика — сложное и опасное создание, которое однажды уже чуть не погубило меня. Я понимал, что глупое и трусливое молчание поставило мои отношения с женой под серьезный удар. Но в то же время мой двойник жаждал снова обнять Анжелику. Я словно слышал, как он коварно нашептывает: «Бетси нет... Ну что тут особенного, если ты ей позвонишь?! Только раз. Никому до этого нет дела, и никто ничего не узнает».

Часам к двенадцати ночи эти мысли полностью овладели мной. В памяти, соблазняя и дразня, возник номер, написанный на телефоне в кухне Анжелики. Я встал, подошел к аппарату, снял трубку и только тут сообразил, какую ужасную глупость собираюсь сделать. Я взял себя в руки, выключил свет и направился в спальню.

Уже раздеваясь, я услышал телефонный звонок. Мне только что удалось одержать победу над самим собой, и вдруг голос Анжелики... Я оказался захваченным врасплох.

— Биль,— чуть слышно заговорила она откуда-то издалека сквозь шорохи и треск.— Извини, пожалуйста, что я так поздно звоню.

— Ничего, ничего. Я еще не спал.

— Ты один? Я читала в газетах, что Бетси уехала в Филадельфию.

— Да, я один.

— Можно повидать тебя на несколько минут?

— Ты где?

— В том баре, где мы встретились. Это совсем недалеко от вашего дома.

— Тогда почему бы тебе не прийти сюда?

Едва сказав это, я понял, что предал себя. Однако мной владело какое-то безрассудство, ложное убеждение в своей невиновности, будто тот факт, что я сумел сдержать себя и не позвонил Анжелике, снимал с меня всякую ответственность. Отбросив здравый смысл, я даже одобрял свой шаг и считал его абсолютно безопасным. Элин давно спит, а ночной лифтер Боб никогда и ничем не интересуется. Уж если у Анжелики возникла необходимость обсудить со мной какое-то личное дело, лучше разговаривать здесь, чем в баре.

— Ты уверен, что это будет удобно? — нерешительно спросила Анжелика.

— Безусловно. Наша квартира на четвертом этаже. Поднимись на лифте, и сразу наша дверь.

— Ну что ж... Жди меня через несколько минут.

Я положил трубку, чувствуя себя пьяным от волнения. На мне была пижама. Надев халат, я вернулся в гостиную, включил свет и налил себе вина. Подойдя к камину, чтобы помешать угли, я заметил на столике около кушетки забытые Бетси очки. Она начала пользоваться ими всего несколько месяцев назад и первые одну-две недели трогательно стеснялась надевать их при мне. Ей казалось, что очки ее безобразят.

При одном взгляде на очки я сразу почувствовал, как исчезло мое волнение, и я увидел себя словно со стороны — тем, кем был на самом деле: глупым, вероломным мужем, намеревающимся изменить любимой с женщиной, которую даже не интересовало, жив я или умер.

Раздался звонок. Я открыл Анжелике дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Анжелика была без шляпы, в стареньком черном пальто, с чемоданом в руке. Бледная, осунувшаяся и совершенно измученная, она ничем не напоминала сирену, неотступно стоявшую перед моим внутренним взором. Ее жалкий вид помог мне вернуться на землю. Я сразу понял, что произошло нечто плохое, и беспокойство за нее мгновенно вытеснило все иные мысли.

Анжелика попыталась любезно улыбнуться, как принято при встречах, но улыбки не получилось.

— Я поднялась по лестнице, мне кажется, лифтеру не надо меня видеть.

Я взял у нее чемодан, помог снять пальто и провел в гостиную. Она отказалась от предложенного вина, села перед камином и что-то поискала в сумочке.

— Извини, у меня кончились сигареты.

Я передал Анжелике сигарету и, поднося зажженную зажигалку, коснулся ее холодной трясущейся руки. Она затягивалась с такой жадностью, словно не курила несколько недель.

— Я прекрасно понимаю,— заговорила она тонким, срывающимся голосом,— что мне не следовало здесь появляться.

— Глупости.

— Я бы и не пришла, но мне не к кому больше обратиться.

— А ни к кому другому и не нужно обращаться.

Во взгляде Анжелики я прочитал, что мой ответ нетактичен и ставит ее в неловкое положение.

— Но я ненадолго, дело не такое уж сложное. Я собиралась попросить у тебя денег. У меня есть знакомый бармен в том самом баре, он бы не отказал, но, оказывается, не работает сегодня. Мне нужно всего-то долларов двадцать, но обязательно сейчас — снять номер в гостинице.

— Снять номер в гостинице?!

Анжелика улыбнулась все той же вымученной улыбкой, призванной, очевидно, показать, как все это забавно.

— Видишь ли, сегодня вечером появился Джейми и выбросил меня из квартиры. Его дружок будто бы неожиданно возвращается сегодня.

— Ночью?

— Видимо. Раз квартира не моя, тут уж ничего не поделаешь.

Мне пора было бы привыкнуть к мысли, что Джейми способен на любую выходку по отношению к Анжелике. Но меня поразила и возмутила покорность, с которой она принимала от него все унижения, в том числе и это. Да и отсутствие у нее денег показалось мне чем-то слишком уж нелепым.

— У тебя что, вообще нет денег?

— Оставалась монетка, но я решила ее сберечь, чтобы позвонить тебе из автомата, если придется, а до бара шла пешком.

— И давно ты так живешь?

— Дня два. Сейчас конец месяца, а деньги я смогу получить только в среду.— Анжелика посмотрела на меня.— Дед оставил не такое уж неисчерпаемое наследство, мы и оглянуться не успели, как промотали его. Из того, что осталось, я получаю всего лишь сотню в месяц, ну а на сотню не очень-то разгуляешься.

Теперь я еще больше возмущался поведением Джейми.

— А Джейми знает, что это все, что у тебя есть?

— Он всегда знает с точностью до последнего цента, у кого сколько денег. Это один из его многих талантов.

— И все же он выбросил тебя ночью из квартиры?

— А почему бы и нет? — пожала плечами Анжелика.— Три дня назад мы разошлись, между нами все кончено.

— Кончено?

— Мне кажется, Биль, тебе не следовало бы прикидываться таким удивленным. Я ведь знаю, как-то вечером вы даже устраивали для них очень милый обед.

— Значит, Дэфни?

— Конечно. Как полагается в добрых старых шуточках, я узнала обо всем самой последней.

В ее голосе не было ни укора, ни обвинения, за напускной шутливостью скрывалось лишь какое-то тупое отчаяние. Но я-то понимал, что нес уже немалую ответственность за ее состояние. Нерешительно, сам не веря своим словам, я сказал:

— Он никогда не женится на Дэфни. Об этом позаботится Бетси. Ты знаешь, что он с ней сделал?

— С Бетси?

— С Дэфни.

— Нет, Биль, не знаю, что он сделал с Дэфни или с нем-то там еще. Однако могу сказать тебе одно: на Дэфни он женится. Когда Джейми чего-то захочет, даже твоя восхитительная Бетси не сможет ему помешать. Он искал богатую наследницу, и он ее нашел. Я больше не нужна, и мне надо было покинуть Нью-Йорк сразу же, как только он сообщил мне столь «чудесную» новость. Я задержалась лишь в ожидании денег на билет.

Анжелика потушила сигарету и встала.

— О приезде своего друга он, наверно, просто сочинил, нужно же было под каким-то предлогом выгнать меня. А вообще-то не все ли равно? Но подожди, к чему нам эта светская болтовня? Может, ты окажешься мил и дашь мне денег, чтобы я могла отправиться восвояси?

Итак, Анжелика уезжала. Один из циклов ее жизни, в начале которого на ее пути оказался я, заканчивался полным крушением. Как ни старался я внушить себе, что все происходящее ни в какой мере не касается меня, из этих попыток ничего не выходило. Мы давно порвали и не хотели возврата к прошлому. Больше того, я был прямо заинтересован в ее скорейшем отъезде из Нью-Йорка. Однако, посматривая сейчас на Анжелику, стоявшую у камина и наблюдавшую за мною своими серыми глазами с затаенной в них болью, хотя она и пыталась казаться веселой, я испытывал жалость и щемящее чувство разлуки. Анжелика уезжала, и больше мы с ней не встретимся.

— Значит, отправляешься в Клэкстон...

Я произнес это название, и на меня сразу нахлынули воспоминания.

— Да. На прошлой неделе я получила письмо от отца. Его экономка умерла. Теперь он совсем без присмотра. Буду мыть полы у него в доме.

— И долго?

— Всегда. А почему бы и нет? — В уголках ее губ обозначились горькие морщинки.— Больше я ни на что не гожусь.

Я сделал к ней шаг.

— Анжелика...

— Я сломала свою жизнь и чуть не сломала твою. Теперь я не нужна даже последнему мелкому жулику в Нью-Йорке.— Она натянуто рассмеялась.— Возможно, мне не следует возвращаться в Клэкстон. Кто знает, не разложу ли я там весь факультет английской литературы! Как, по-твоему, есть там будущие писатели? Какие-нибудь сопливые бедняки второкурсники, которым нужна любовь женщины, гораздо старше их по возрасту, умудренной житейским опытом и способной взлелеять их талант.

Ее смех переходил в истерику, но она взяла себя в руки, снова опустилась в кресло и с выражением невероятной усталости откинула с побледневшего лица выбившиеся волосы. Только для того, чтобы не молчать, я спросил:

— Когда ты ела последний раз?

— Что, Биль?

— Когда ты ела последний раз?

— Не помню.

— Сейчас я что-нибудь тебе дам.

— Не нужно.

— Посиди тут. Я схожу в кухню.

В холодильнике я нашел курицу, сделал сандвич и налил стакан молока. Анжелика не выходила у меня из головы. Я представил себе, как она, голодная и измученная, с чемоданом в руках, пешком, чтобы сберечь последнюю монету, тащилась пятьдесят кварталов в Манхэттен, как она любезно улыбалась Джейми, когда тот велел ей убираться из квартиры. Уносясь мыслями в прошлое, я представил ее себе в Агридженто, когда она прогуливалась среди засеянных желтыми нарциссами полей на фоне ослепительно белых греческих храмов. Я вспомнил, как она выглядела в нашем домике в Провансе, где в окна стучались ветки мимозы, наполнявшей воздух сладким ароматом.

Держа в руках поднос со стаканом молока и сандвичем, я стоял в кухне, опасаясь вернуться к Анжелике. Но не вернуться я, разумеется, не мог и вошел в гостиную. Анжелика уже совсем успокоилась, а когда я передал ей поднос, даже улыбнулась — тепло и непринужденно. Я налил себе вина, сел напротив нее и стал наблюдать, как она ест.

Не знаю, кто из нас первый начал вспоминать жизнь в Клэкстоне — мы даже не заметили, как разговорились об этом. Припоминали всякие мелочи, встречи с разными людьми. Анжелика иногда смеялась, и я начинал смеяться вместе с ней. Покончив с едой, она заметила, что изменила свое мнение и теперь не возражает чего-нибудь выпить. На щеках у нее проступил слабый румянец. Я находил ее все более красивой, комнату — еще более уютной от ее присутствия и все чаще возвращался к мысли, что мы одни в этой комнате. Краешком сознания я понимал возникающую опасность, но старался ни о чем не думать. Словно по мановению волшебной палочки, мы оказались в далеком прошлом, когда мне еще не угрожало Портофино и ничто не предвещало наступления тяжелых времен.

Анжелика непрерывно курила, и получалось как-то так, что около нее не оказывалось коробки с сигаретами. И всякий раз, когда я передавал ей сигарету и подносил горящую зажигалку, ее теплая рука касалась моей, и я чувствовал, как у меня начинает стучать сердце. Мы как раз над чем-то смеялись, когда я подавал ей очередную сигарету. Прикуривая от зажигалки, она подняла ко мне лицо. Я прикоснулся к Анжелике и хотел взять ее руку, но она, словно предугадав мое намерение, внезапно отдернула ее.

— А тут у вас мило,— сказала она.

— Да,— согласился я, продолжая держать горящую зажигалку.

— В комнате так уютно.

— Я рад, что тебе нравится.

— Наверно, все Бетси, да? Сам-то ты никогда не отличался хорошим вкусом.

— Пожалуй, Бетси.

— Я рада.

Погасив зажигалку, я чуть придвинулся к Анжелике.

— Рада?

— Да. Рада, что ты женился именно на Бетси,— запинаясь, но все же твердо ответила Анжелика.— Теперь у тебя чудесная жена, верно?

Я понимал, что Анжелика все видит и пытается остановить меня, но не слишком настойчиво, и это толкало меня на новые необдуманные шаги.

— Да, Бетси чудесная жена.

— А как Рикки?

— Очень хорошо.

Анжелика внезапно вскочила, проскользнула мимо меня и отошла в сторону.

— Можно взглянуть на него?

Анжелика не спускала с меня глаз, и я читал в них требование не забывать, что я муж другой женщины. Ее желание посмотреть на Рикки было только предлогом, чтобы встать. Если бы Анжелика могла рассуждать спокойно, она бы поняла, что встреча с Рикки лишь причинит ей новую боль. Да и я был слишком взбудоражен, чтобы понять, как низко поступаю по отношению к Бетси, позволяя Анжелике взглянуть на Рикки. Но в тот момент я не думал об этом.

— Почему бы и нет? — сказал я.— Пойдем.

По коридору мы подошли к комнате Рикки и тихонько открыли дверь. В детской горел ночник. Рикки спал на спине, засунув палец в рот; его спутанные черные волосы спускались на лоб. Мы стояли у кроватки и смотрели на него. Вдруг он открыл большие черные глаза, вынул изо рта палец, взглянул на меня, потом с вежливым любопытством на Анжелику.

Из ходиков на стене выскочила кукушка и дважды прокуковала. Рикки перевел взгляд на часы.

— Два часа,— сказал он.— Ведь это очень поздно, правда, папа? Два часа совсем, совсем, совсем поздно.

— Правильно, сынок,— ответил я.

Рикки снова посмотрел на Анжелику.

— Кто это?

— Приятельница.

— А у меня сегодня зуб вырвали!

— Уйдем отсюда! — внезапно сказала Анжелика.

Она направилась к двери, а я поцеловал Рикки, наказал ему поскорее заснуть и вышел вслед за Анжеликой; она уже стояла в холле у двери.

— Дай мне денег, Биль. Я должна идти.

Мысль о разлуке с ней показалась мне непереносимой.

— Выпей еще рюмку.

— Нет, Биль.

— Только одну. Ведь мы же прощаемся.

Я вернулся в гостиную, налил две рюмки вина и вернулся в холл. После минутного колебания Анжелика взяла рюмку. Я почувствовал себя победителем.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — спросил я.

— Не имею представления.

— Больше двух часов ночи. Совсем неподходящее время для поисков номера в гостинице.

— Неважно.

— Но ты же устала.

— Ни капельки.

— У нас есть прекрасная комната для гостей.

— Нет, Биль.

— Но почему? Какая тебе разница, где ночевать?

Звякнули кусочки льда в рюмке Анжелики, и я взглянул на нее. Рука Анжелики дрожала. Я взял ее рюмку и поставил на стол вместе со своей.

Прижимая к себе Анжелику, я рассматривал это объятие как нечто совершенно неизбежное, словно еще до ее телефонного звонка знал, что вечер не может закончиться иначе. Я не испытывал ни беспокойства, ни чувства вины—лишь ощущение неизбежности случившегося и полнейшего довольства. Она не только не сопротивлялась, но, тихо всхлипнув, крепко прижалась ко мне, будто во всем мире у нее никого не оставалось, кроме меня. Я поцеловал ее и почувствовал, что и Бетси, и служба, и вся моя новая жизнь без Анжелики не что иное, как карточный домик, построенный мною лишь для того, чтобы как-то заполнить пустоту одиночества.

Продолжая обнимать Анжелику, я услышал чей-то негромкий кашель, и звук этот подействовал на меня, словно холодный душ. Затем кашель повторился, и на этот раз в нем явно слышалось осуждение. Я отскочил от Анжелики и оглянулся.

Рядом с нами стояла няня Рикки. На ней был белый купальный халат; заплетенные в коротую толстую косичку светлые волосы спускались на плечо. Пытливо смотревшие с багрового лица голубые глаза, казалось, превратились в буравчики.

— Извините, сэр,— сказала она.— Я не знала...

Анжелика бессильно опустилась на стоявшую в холле кушетку.

— Ах, Элин! — вырвалось у меня глупое восклицание.

— Рикки вдруг проснулся и позвал меня. Я пошла на кухню вскипятить ему молока. Я не знала...

Элин резко отвернулась и быстро пошла по коридору. Мое внимание почему-то привлекла толстая косичка, подпрыгивавшая у нее на плече.

Мы с Анжеликой долго сидели в молчании. Потом она поднялась и стала надевать пальто.

— Дай мне денег, Биль,— тихим, деревянным голосом попросила она.

Я пошел в спальню, взял со столика бумажник и заглянул в него. Долларов тридцать... Сейчас, когда состояние шока прошло, я почувствовал тревогу. Вынув из бумажника все деньги, за исключением нескольких долларов, я вернулся в холл и передал их Анжелике. Я понимал, что было бы глупо обвинять в случившемся ее. Рискуя потерять так много, я словно нарочно этого добивался. Но я не хотел ни терять, ни признавать себя виновным, я хотел компромисса с самим собой, для этого требовалось представить себя в качестве невинной жертвы, а Анжелику — опаснейшим Врагом (с большой буквы), вторгшимся в мою жизнь, чтобы уничтожить ее вторично.

Анжелика положила деньги в сумочку. Я с трудом заставил себя взглянуть на нее.

— Няня расскажет Бетси? — спросила она.

— Не знаю. Пожалуй.

— Но ведь все это пустяки, между нами ничего не произошло. Не так уж трудно это доказать.

— Ты так думаешь?

— Можешь сказать, что мы прощались, я очень расстроилась, и ты хотел меня утешить.

— Утешить?!

— Ну да. Ведь так оно и было на самом деле.

Я попытался представить себе, как все было на самом деле, и не мог. Не мог найти смысла в своем поведении.

— Ну что ж... Прощай, Биль.

Анжелика взяла чемодан и открыла дверь. В это мгновение, возможно, потому, что я все же чувствовал свою вину и страшился за свое будущее, она показалась мне какой-то маленькой, бесцветной и абсолютно не запоминающейся. Я даже удивился, как мог совсем недавно желать ее. Но, с другой стороны, совесть подсказывала мне, что я должен уговорить ее переночевать в комнате для гостей и не бродить по городу с чемоданом в два часа ночи. Где-то в уголке сознания теплилась мысль: нельзя так трусливо допустить, чтобы какая-то чванливая и ненавидящая меня нянька помешала выполнить элементарный долг вежливости. Но сильнее всего мне хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, Анжелика ушла, и я ее никогда больше не видел.

— Прощай, Анжелика.

Она все еще стояла у открытой двери.

— Может, ты порекомендуешь мне какую-нибудь гостиницу. Я плохо знаю Нью-Йорк.

— Попробуй «Уилтон». Совсем недалеко отсюда, на Медисон-авеню.

— «Уилтон»?

— Да.

— Хорошо... Да, Биль, спасибо.

— Спасибо? За что?

— Просто спасибо.

Анжелика проскользнула в дверь и закрыла ее за собой.

На столике в холле все еще стояли две рюмки с вином. Я схватил одну из них и залпом выпил. Уход Анжелики не облегчил моего положения. Подстегиваемое страхом воображение рисовало картины одна хуже другой: Бетси, разъяренная, как никогда, швыряет мне в лицо одно обвинение за другим, потом бежит к телефону и рассказывает все Ч. Д., и тот, как и подобает пуританину, с бешенством обрушивается на своего блудливого зятя. В припадке малодушия я попытался заглянуть в будущее и представил себя брошенным женой, безработным, влачащим жалкое, никому не нужное существование. У меня даже мелькнула мысль помчаться к Элин, броситься перед ней на колени и слезно умолять ее не губить мне жизнь.

И вместе с тем я понимал, что страхи мои преувеличены, что все случившееся напоминает скорее дешевый фарс, чем трагедию. Да, я вел себя по-идиотски и влип; да, я рискую навсегда потерять уважение Бетси и перестану уважать самого себя; да, после объяснения с женой моя репутация окажется основательно подмоченной, и мне придется проявить большой такт, чтобы не позволить Бетси вернуться к прежнему состоянию неуверенности. Но в конце концов Бетси все поймет. Разве может она не понять?

Я не мог даже думать о том, какой ответ получу на этот вопрос, и, прогнав все мысли о нем, отправился спать. Завтра мне предстояло найти какой-то способ обезвредить Элин. Возможно, будет не так уж трудно договориться с ней. Ну а если ничего не получится, придется покаяться перед Бетси, как только она вернется из Филадельфии. Стыд, унижение и горькая обида на Анжелику так утомили меня, что я вскоре уснул.

Проснувшись на следующее утро, я сразу во всех деталях припомнил вчерашние события. Было восемь тридцать. Элин, очевидно, кормила в детской комнате Рикки. Я чувствовал себя довольно агрессивно и решил, что займусь Элин сейчас же, пока мною снова не овладело малодушие.

Я надел халат и отправился в детскую; Рикки действительно расправлялся с завтраком. Элин сидела рядом с ним и что-то вязала для одной из своих бесчисленных племянниц в Англии; на ней была все та же нелепая, сильно накрахмаленная белая униформа, которую она всегда носила, несмотря на возражения Бетси. Рикки бурно приветствовал мое появление, а Элин даже слегка вскрикнула, словно увидела бандита, намеревавшегося лишить ее чести.

— Так вот, по поводу вчерашнего,— заговорил я, испытывая страшную неловкость.— Хочу объяснить...

— Ну, знаете, сэр! — немедленно возмутилась Элин.— Я не имею права требовать никаких объяснений.

— Видите ли, она моя старая приятельница,— запинаясь, продолжал я.— Оказалась в затруднительном положении и...

— Прошу вас! — Элин вскочила и театральным жестом обхватила Рикки накрахмаленными рукавами.— Только не в присутствии малютки!

Рикки подпрыгнул, испустил боевой клич индейцев и повторил:

— Только не в присутствии малютки!

Все получилось невероятно и безнадежно глупо.

— Разумеется, я намерен рассказать обо всем миссис Гардинг и буду вам признателен, если вы...

В эту минуту раздался телефонный звонок. Обрадовавшись предлогу прервать тяжелый разговор, я побежал в спальню и снял трубку аппарата. Звонил Ч. Д. Накануне вечером он уехал в Бостон на какую-то конференцию, но, видимо, уже успел вернуться.

— Да, Ч. Д.?

— Что ты делал вчера вечером?

По его голосу я понял, что он чем-то сильно взволнован. Никогда еще он не разговаривал со мной таким тоном. Прежде чем я мог пролепетать какой-то ответ, Ч. Д. рявкнул:

— Ты был один?

Я подумал о роковых последствиях, которые не замедлят сказаться, если Ч. Д. узнает об Анжелике.

— Да,— солгал я.— Один.

— В таком случае немедленно приезжай ко мне. Я у себя на квартире в городе. Возьми такси. Приезжай сейчас же!

— Хорошо, но...

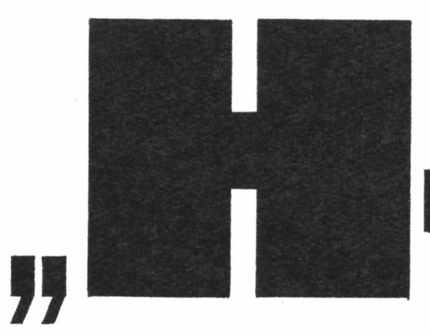
— Ты знаешь, что произошло? Ты читал газеты?

— Пока еще нет,— ответил я, чувствуя, как мое замешательство уступает место предчувствию какого-то несчастья.

— Дружок-то твой... Лэмб. Этот паршивый писателишка, с которым ты и Бетси так носились, будь он проклят! Он убит... Найден на квартире убитым. Его кто-то застрелил.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

„Невские

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

«Невские зори» слушают. У пульта диспетчер А. И. Рябова.

Представители фирмы «Темпо» Чани Яношне, Банго Ференц и Хевер Дьёрдь, прилетев из Будапешта, в Москве пересели в «ТУ-104» и через пятьдесят минут были в городе на Неве. Венгры спешили к своим друзьям и коллегам из фирмы «Невские зори». Дружба началась год назад, когда «Темпо» и «Невские зори», занимающиеся бытовым обслуживанием горожан, заключили договор о социалистическом соревновании. С той поры и возникли контакты ленинградцев и будапештцев.

«Невские зори» — своеобразная, может, единственная в своем роде фирма. Не удивительно, что на ее предприятиях часто можно встретить гостей из разных городов. Они идут в управление, в диспетчерские, в цехи, на участки...

В ДИСПЕТЧЕРСКОЙ

Генеральный директор фирмы «Невские зори» Павел Авксентьевич Шпортько без восторга встретил мое желание поработать денек диспетчером: «Как бы не заработали нам жалоб...» И все же согласился:

— Хорошо. Только не диспетчером, а его помощником.

Листаю инструкции. Знакомлюсь со схемой управления фирмой. Изучаю прейскурант. Снять и установить дверной замок — 16 копеек. Покрыть пол лаком — одна цена, натереть — другая. Сижу в ателье на Петроградской стороне и наблюдаю, как работает диспетчер Анна Ивановна Рябова. Проворно, ловко, вежливо.

Она всего месяц в должности диспетчера. До этого внука нянчила. И вот решила пойти в «Невские зори». Завтра и я вступаю в должность временного помощника диспетчера, буду тоже принимать заказы на услуги. Анна Ивановна предупреждает: начало работы в девять утра. Прихожу на десять минут раньше. Рябова уже на месте: вся в делах, звонит в цехи, интересуется, как продвигаются ее заказы в ателье. Сажусь и я за стол. Беру книги регистрации услуг.

На часах 9 часов 10 минут. Снимаю телефонную трубку и отвечаю, как это делает диспетчер Рябова:

— «Невские зори» слушают...

— Нужна няня. Встретить ребенка из школы и побыть с ним дома до возвращения матери с работы.

Записываю адрес, телефон. Ставлю в известность: оплата — 60 копеек в час. Еще звонок. Юношеский голос:

— Букет цветов могу заказать? На субботу...

Заказы на все услуги — более семидесяти видов — ателье фирмы принимает по телефону.

Снова звонят:

— Прошу прислать массажистку. На десять сеансов. Ежедневно между десятью и двенадцатью часами.

Говорят с улицы Тореза. Интересуются, можно ли починить три венских стула. «Можно, можно»,— подсказывает мне Анна Ивановна. Уточняю адрес, удобное время и записываю в книгу цеха столярных работ.

Но вот звонок, на который я не могу дать ответа. Просят отменить присылку полотера. А рабочий уже взял наряд, уехал выполнять его. Вернуть его с полпути невозможно. Придется заказчику уплатить 80 копеек за вызов.

Кто-то спрашивает, сколько стоит мытье полов. Пять копеек с квадратного метра. Это я хорошо запомнил. Звонивший просит принять заявку. Вслед за этой — другая просьба. Супруги идут в кино. Можно ли пригласить на это время воспитателя к шестилетней дочери?

— В кинотеатрах «Ленинград», «Москва», «Гигант» есть детские комнаты фирмы. Пока вы будете смотреть фильм, о детях позаботятся.

Говорят с Выборгской стороны. В новой квартире надо навесить карнизы. Я было уже потянулся к книге, чтобы записать заказ, но диспетчер забеспокоилась: ни в коем случае, невыполнимая работа. Обычные сверла не берут бетонные стены, нужны победитовые, а их нет.

— Не ожидал, не ожидал,— слышится разочарованный голос...

Снова заказчик. Передаю трубку диспетчеру. На ее лице появляется улыбка. Прикрыв ладонью микрофон, шепотом объясняет:

— Улетел попугай! Далеко, мол, не мог скрыться, просят «Невские зори» разыскать!

И серьезно:

— Постараемся, пошлем заметку в редакцию добрых услуг на радио.

Звонки не утихают: кто-то просит установить новый электросчетчик, кто-то — заказать номер в мотеле. Один интересуется оправой для очков, другой — уборкой квартиры...

Подводим с Анной Ивановной итоги дня: 127 заказов. Это только по одному нашему ателье, на Петроградской стороне, а их в городе десять. В центральной диспетчерской сообщают: за один этот день «Невские зори» выполнили 5 тысяч заказов.

ХОРОШ ЛЕНИНГРАДСКИЙ СЕРВИС!

Венгерские гости уже знакомы с историей рождения фирмы «Невские зори». Она возникла два года назад на базе трех разрозненных комбинатов. Сейчас в фирме двадцать специализированных цехов и участков. В них свыше трех тысяч рабочих, мастеровых, специалистов.

Каждая женщина тратит на свое домашнее хозяйство ежедневно по многу часов. Если бы ей удалось в течение года сократить это время хотя бы наполовину, то сэкономленных часов хватило бы для прохождения программы одного институтского курса! Фирма «Невские зори» делает первые шаги в этом направлении.

Хевер Дьёрдь не закрывает свой блокнот, записывает. Чани Яношне тоже интересуется многим: и материальным снабжением, и стоимостью услуг, и рекламой... Банго Ференц, увидев малышей в комнате кинотеатра, заметил с удовольствием: «Очень хорошо!»

Предметом внимания гостей становится медико-косметический участок. Заведующий, врач Лев Васильевич Топпер, обстоятельно отвечает: «Медсестры? Прежде всего — студентки старших курсов мединститутов, пенсионеры-врачи. Няни? Нет, не только пожилые, но и молодежь — студентки педагогических вузов. Каждый отдает фирме столько времени, сколько может. И все же проблема няни не снята!»

...Едем в столярный цех. Венгерских товарищей приветливо встречает Василий Васильевич Котов, начальник цеха. С утра двести столяров расходятся по домам ленинградцев. Котов требователен, очень ревностно следит, чтобы все работы выполнялись отменно. Все — от циклевки полов до изготовления книжных стеллажей... Котов показывает фирменный автопоезд: автофургон с прицепом. Тут верстак, электропила, тиски, точильный прибор, инструмент обойщика... Такой поезд ходит в новые жилищные микрорайоны.

— Прекрасно,— выражает свое мнение Банго Ференц.

В цехе разовых услуг на столах букеты свежих цветов, на стеллажах — бутылки крымского вина, шоколад...

Стекольщик Э. В. Яроцкий.

Подарки — по адресам. Мастер подарочного участка Надя Петрова.

И к свадьбам причастна фирма.

ЗОРИ" СЛУШАЮТ

— Тоже по телефону заказано?

— И по телеграфу.

Мастер подарочного участка Надя Петрова выкладывает кипу телеграмм, банковских чеков, почтовых переводов. Телеграмма из Ярославля. Просят купить торт, конфеты, красочную открытку и на ней написать: «Дорогой дядя Ваня! Сердечно поздравляем с 80-летием! Желаем здоровья и бодрости. Целуем. Семья Дудникова».

— Через час эти столы опустеют,— комментирует Н. Петрова.— Все развезем по адресам...

Оказывается, есть в фирме и цех чистки обуви. Всем понравились уличные домики чистильщиков. Знакомство с производством фирмы продолжалось. Венгры — в только что открытом Доме быта. В здании девять служб. Просторно. Светло. Здесь можно починить обувь, отремонтировать или заказать трикотажные изделия, исправить часы. Цех машинописи. В одном из залов машинки сдаются напрокат. Умеешь — садись за столик, бери копирку, чистую бумагу и печатай.

Венграм очень понравилась мебель этого светлого машинописного зала. Не закрывали свои блокноты гости и в доме на Средне-Гаванском проспекте, где размещен цех репетиторов и переводчиков. Целая армия педагогов и переводчиков работает здесь. Просторные, неплохо оборудованные классы. Тут ведут занятия с теми, кто собирается поступать в вузы, кто отстает по какому-то предмету в средней школе. Можно позвонить по телефону 17-02-15, и к вам домой придет репетитор по общеобразовательным предметам, иностранным языкам, музыке...

По всему городу разбросан штат отдела переводов. Самые лучшие переводчики, работающие в институтах, учреждениях Академии наук, привлекаются к работе.

Разные приходится переводить документы. Недавно гражданку К. родственники пригласили в Канаду. В письме-приглашении перечислялось движимое и недвижимое имущество приглашающих. Оговаривалось, что-де «родственники не будут обузой для государства, не будут искать оплачиваемую работу» и что приглашенный не будет «претендовать на медицинское обслуживание...» Вот, оказывается, на каких условиях можно приехать в гости.

А недавно в отдел переводов пришла гражданка Л. Она просила перевести с китайского решение пекинского суда о расторжении брака. На титульном листе написано: «Высочайшее указание». На следующем: «Наш самый, самый любимый великий вождь, великий руководитель, великий верховный главнокомандующий, великий кормчий, председатель Мао учит нас...» Далее длиннейшие цитаты «кормчего». И лишь в конце несколько строк отведено решению пекинского суда. Переводчик заметил заказчице: «Без цитат перевод обойдется куда дешевле...»

Фирма безупречно выполняет переводы. Час провели венгры в отделе репетиторов и переводчиков. Прощаясь, они сказали, что обязательно попробуют организовать нечто подобное и у себя в Будапеште.

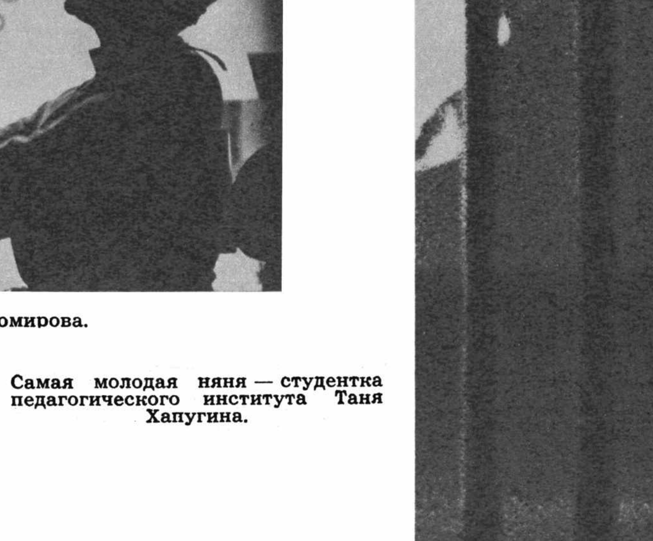
В тот же день было еще одно приятное знакомство — с только что открывшимся ателье на Будапештской улице.

— Хорош ленинградский сервис. Современно, с размахом,— сказала Чани Яношне.— Мы сможем извлечь из вашего опыта пользу для «Темпо».

Расставаясь, представители фирм «Темпо» и «Невские зори» поставили свои подписи под новым соглашением. Соревнование продолжится и в 1969-м!

Медсестра Лида Любомирова.

Самая молодая няня — студентка педагогического института Таня Хапугина.

Владимир **ДЕМИДОВ**

Мой дом

В ЛЕНИНСКОЙ КВАРТИРЕ

Меня глубоко взволновало,
Нетрудно понять почему,
Суконное то одеяло,
Что мать подарила ему.
Оно,
Хоть о том не писали,
Его сохраняло в тепле
И в ссылке,
Где вьюги плясали,
И там,
На швейцарской земле.
Презревший и роскошь
И барство,
В нетопленных стенах простыв,
Он спал
И главой государства
Под тем одеялом простым.
Оно уже вышло из моды —
Творенье седой старины,
Но мы понимаем, что годы
Ему не убавят цены ...

ВРЕМЯ

На руках, натруженных
Вó поле до боли,
Жаркие жемчужины
Шрамов и мозолей.
И в глазах, распахнутых
Звездам и туманам,
Километры пахоты,
Мили океанов.
Но куда б ни ездил я,
По любой дороге
Под свои созвездия
Прихожу в итоге.
Человеку дорого
Разглядеть сквозь сроки,
Как в пространстве здорово
Быть неодиноким.
Время, не старей во мне
Ни единым мигом...
Мало — жить во времени,
Надо время двигать!

РЕПИН

Кончину близкую почуя,
Он вдруг захочет
Стать мальцом
И хоть пешком
Идти в Чугуев,
К садам над Северским Донцом.
От финской непогоды —
К сини,
Качавшей в детстве облака ...
Но это —
В будущем,
А ныне
Еще крепка его рука.
И в Петербург,
Что любит плотно
Наполнить чрево на пирах,
Его крамольные полотна
Вселяют ненависть и страх.
Он сам порою как-то странно —
Не одобряя,
Не коря —
Охватит взглядом Иоанна —
Сыноубийцу и царя.
И хлынет боль ...
И будет жалость,
Что, как морская глубина,
Ни перед кем не обнажалась,
Сквозь кровь сыновнюю видна.
Он знает, чем Руси обязан,
И умереть за то готов
Не богомольным богомазом,
А живописцем бурлаков.

Ему верны его святыни
И в жизни
И на полотне.
Умрет в Пенатах,
На чужбине,
А все ж...
В российской стороне!

СТИХИ О ДОМЕ

Как реку вешняя вода,
Мы и незрячие отыщем
Тот дом, в котором никогда
Никто из нас не будет лишним.
Всегда он отворит нам дверь,
С победой примет
И с укором,
С веселым
И печальным взором,
С потерями
И без потерь.
Надежный в бурю и в метель,
Свершит над нами суд,
Но прежде
Накормит,
Даст свою постель
И силы новые —
Надежде.
Ответит на добро добром
За тридевять земель услышит
И в список мертвых нас не впишет,
Когда действительно умрем...
Пока живет в нем тот, кто дал
Нам жизнь и все, что в жизни ищем,
Есть в мире дом, где никогда
Никто из нас не будет лишним.

Донецк.

ИГРУШЕЧНЫЕ ИСТОРИИ

ПУШКА

Пушка выглядела очень внушительно. Ствол блестящий, колеса красные, у правого колеса горка ядер.

И днем и ночью пушка мечтала о настоящих сражениях. Ей казалось, что она стоит высоко на холме, гордая, недосягаемая, а где-то внизу лезут на штурм цепи наступающих. Она холодно смотрит на них своим единственным глазом-жерлом — и бух... Огонь... дым... грохот... Кто-то падает, кто-то бежит... Снова выстрел... И так до тех пор, пока никого в живых не останется.

Все ее боятся, все дрожат, на нее глядя, а она стреляет и стреляет, и из раскаленного докрасна ствола с молодецким посвистом вылетают черные чугунные ядра и убивают, убивают, убивают.

На самом деле этого, конечно, не было. Пушка стояла на столе и стреляла всего-навсего большой черной пробкой. И никакого огня, дыма и грохота, а только легкий щелчок — трак... как будто кто-то разбил яйцо. И от этого пушка ужасно злилась. Все ее раздражало, и если она куда-нибудь смотрела, то именно туда ей и хотелось выстрелить — ну хотя бы пробкой, раз уже нельзя настоящими ядрами.

И пушка стреляла...

Стреляла при любой возможности. Дзинь! — разбилась чашка. Бах! — упал на пол флакон с духами. Трак! — кукла жалобно скрипнула: пуля пробила ей плечо.

«Замечательно,— ликовала пушка, разбивая очередное блюдце.— Великолепно, теперь меня еще больше будут бояться. Скоро я оставлю от этого дома груды щепок и черепков, а потом... когда-нибудь выкачу я на улицу...»

Мечтам не суждено было сбыться. Если сначала к ней относились терпимо, то потом ее поведение всем надоело, и пушку выбросили. На всякий случай... Ради всеобщего спокойствия. И правильно сделали. Хоть она и маленькая и игрушечная, а уж очень злая...

ЧАСОВОЙ

Чугунный часовой стоял на часах.

На старинных настольных часах.

Убежден, что такого часового вы никогда не видали.

Он тоже был старинный. Мундир, кивер, в руках кремневое ружье.

И как-то так получилось, что в этот дом никто не входил. Много-много лет подряд. Я не знаю, почему, можно попытаться выяснить, но не в этом суть дела.

Часы давно остановились — большие узорные стрелки показывали ровно пять часов. Ни больше, ни меньше. Ровно пять. Всегда. И часовой считал, что поставлен охранять остановившееся время. И про себя называл свою задачу великой исторической миссией.

Ведь часы показывают движение времени, а если они не ходят, то, стало быть, и время остановилось. Правильно?

Да, чуть было не забыл, а это очень важно — на окнах висели шторы, тяжелые, бархатные.

Стены — метр толщиной, ни один звук в дом не проникал.

Часовой решил, что все в мире остановилось. Замерло.

Конечно, трудное дело — бессменно простоять на часах много лет подряд. Иногда силы кончались, и хотелось прилечь, хотя бы на минуту, но часовой стоял.

«Мое имя будет начертано золотыми буквами на страницах истории,— думал он.— Что охраняют другие часовые? Тюрьмы, склады, пленных, а я — остановившееся время.

Пусть мне трудно, невероятно трудно, но я счастлив отдать свою жизнь великому делу».

И вдруг в дом вошли.

Часовой побледнел, хотя уставом это не предусмотрено, и приготовился к историческому рапорту.

Но на него даже не посмотрели.

Молодые, улыбающиеся люди внесли в дом... новые часы. Другие.

И они шли.

Солдат побледнел еще сильнее.

Да, другие часы шли. А его стояли. Что это значит?

А в это время распахнули шторы...

Солнце, дома, люди, движение, шум и... еще одни часы... прямо напротив, на улице. И они... тоже шли.

Дзинь!

— Что это звякнуло? — спросил один из вошедших.

— Не знаю,— ответил другой.

И оба засмеялись.

Они не поняли, что произошло. Они не знали, что это часовой бросился головой вниз и вдребезги разбился о бесстрастный мраморный пол.

Борис **ВИНОГРАДОВ**

Г. Шегаль. КАЗАХИ-ФАБЗАЙЧАТА. 1931.

Е. Кацман. БРИГАДИР БРИГАДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЗАВОДА им. ЛИХАЧЕВА НИНА ЗОЛОТОВА. 1959.

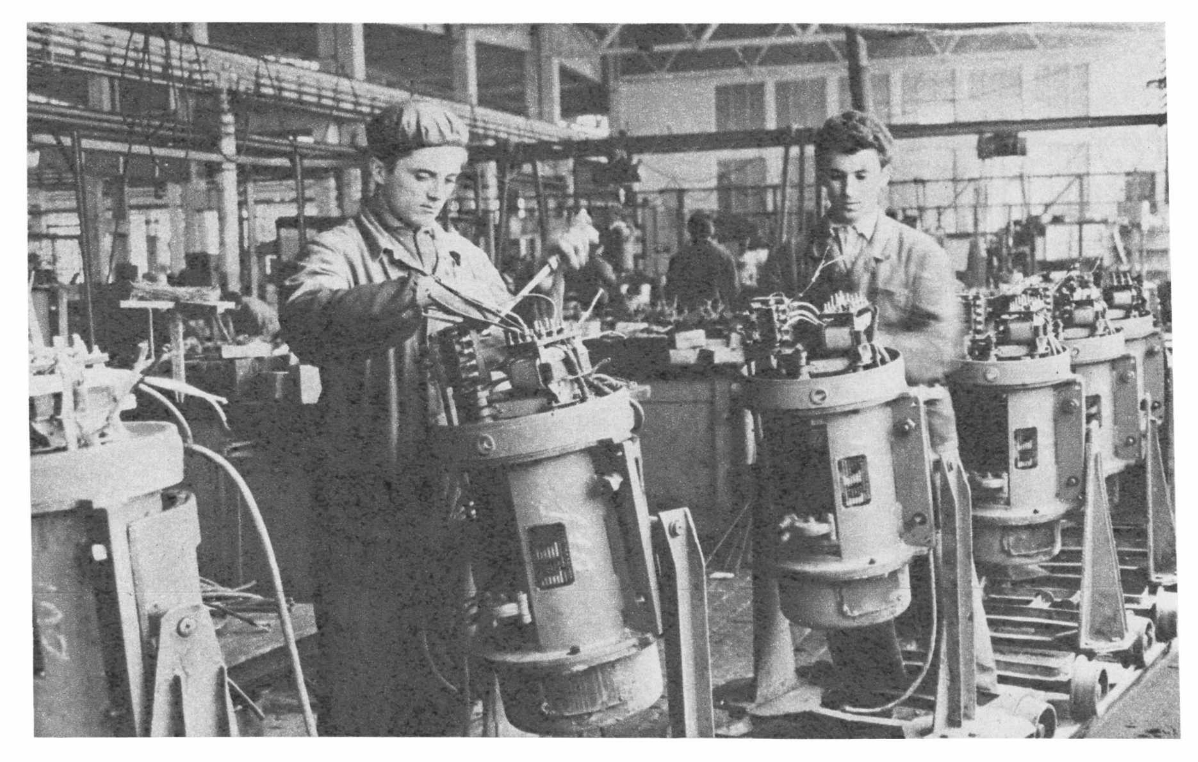
ОТ НАШЕГО ДРУГА ИЗ США

Будучи ревностным любителем природы, я был очень взволнован, увидев картины монгольских художников, репродукции которых помещены в № 43 журнала «Огонек» за 1968 год. Я верю, что все виды искусства должны служить высоким целям, возбуждая в народе более глубокое понимание жизни и любовь к ней. Именно поэтому я восхищен умением монгольских художников раскрывать в своей живописи истинное земное счастье.

Меня лично, как американца, живущего сегодня в стране, взвинченной раздирающими ее несчастьями и распрями и как будто давшей обет погибнуть в мировой катастрофе, такое видение жизни на земле, как ее отражают монгольские картины, глубоко трогает и воодушевляет. Вот почему я не только как художник и почитатель искусства, но и как человек, нуждающийся в том, чтобы его вера в жизнь и в само человечество была восстановлена, приношу свою сердечную признательность при виде этих картин и мысленно обнимаю монгольских художников в знак братской любви к ним и уважения. Они обнаруживают с такой силой видение жизни, что оно может стать вечным источником воодушевления для той части человечества, которая имеет возможность наслаждаться их творчеством.

Выражаю надежду, что «Огонек» передаст на своих страницах мои самые горячие приветы жизнелюбивым монгольским художникам.

Рокуэлл КЕНТ

По решению Совета Экономической Взаимопомощи крупный машиностроительный завод Габрово (Болгария) специализируется на производстве электротельферов.

В январе 1949 года в Москве состоялось экономическое совещание представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, которое приняло решение о создании Совета Экономической Взаимопомощи — первой международной экономической организации социалистических государств. В настоящее время в ее работе участвуют также ГДР и Монгольская Народная Республика.

СЭВ существует двадцать лет. Эти годы убедительно показали, какие плодотворные результаты дало равноправное сотрудничество.

По нефтепроводу «Дружба» уже перекачано около 70 миллионов тонн нефти. Он положил начало созданию в Венгрии, Польше, ГДР и Чехословакии собственной нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности.

Объединение энергосистем европейских стран — членов СЭВ позволило наиболее рационально использовать все энергоресурсы, начиная с угля, газа, нефти и кончая ядерной энергией.

Страны — члены СЭВ путем сотрудничества успешно решили важные проблемы развития металлургии. Сооружены и строятся: в Болгарии — металлургический завод имени В. И. Ленина и Кремиковский металлургический комбинат, в Венгрии — металлургический комбинат «Дунаи — Вашмю», в ГДР — металлургический комбинат «Ост», в Польше — металлургический комбинат имени Ленина, завод качественных сталей «Хута — Варшава», металлургический завод имени Берута, в Румынии — металлургический комбинат в Галаце, в Советском Союзе — целый ряд крупных металлургических предприятий, в Чехословакии — металлургический завод в Кунчице и Восточно-словацкий металлургический комбинат.

В результате сотрудничества Болгарии с Советским Союзом и Чехословакией построен крупный горно-обогатительный комбинат «Медет», что позволило намного увеличить производство меди в НРБ.

При содействии Чехословакии Польша увеличила добычу природной серы, меди, ГДР — калийных солей, Румыния при помощи ГДР, Польши и Чехословакии построила в дельте Дуная крупный комбинат по производству целлюлозы из камыша, Венгрия оказала содействие Румынии в расширении производства кальцинированной соды.

Подобных примеров решения совместными усилиями важнейших народнохозяйственных проблем можно привести очень много. Они убедительно показывают, что, укрепляя и развивая экономику каждой страны — члена СЭВ, Совет Экономической Взаимопомощи содействует укреплению мощи всей социалистической системы.

Памяти товарища

Наша литература понесла тяжелую утрату — скончался видный советский писатель Гарегин Севунц, с чьим именем связаны крупные достижения армянской прозы.

Г. Севунц рано начал свою литературную деятельность: первый его рассказ, «Ахмед», был опубликован, когда автору исполнилось семнадцать лет. Всего через несколько лет увидели свет сборник его рассказов «К небу» и первый роман — «В пучине моря», посвященный жизни и борьбе рабочего класса. В это же время он начинает активную журналистскую работу.

Когда разразилась Великая Отечественная война, Г. Севунц, офицер запаса, был мобилизован в армию. Но и здесь он не оставляет литературную работу. В годы войны выходят его повесть «Девушка Вишап-горы» и многие рассказы, в которых с присущей ему талантливостью и гражданской страстностью писатель показал героические образы советских людей.

Но, пожалуй, самое значительное произведение Г. Севунца, принесшее ему всесоюзную известность,— это двухтомный роман «Тегеран», который был создан на основе личных впечатлений, накопленных писателем во время пребывания в Иране в конце войны. В нем отражены — со всей глубиной и остротой — непримиримость противоречий между прогрессивными, демократическими силами, с одной стороны, и реакционными, империалистическими — с другой. В развороте значительных социально-политических событий Г. Севунц сумел увидеть и ярко раскрыть судьбы различных слоев иранского народа.

Не менее значительно другое произведение писателя — роман «Пленники». О силе духа советского человека, оставшегося стойким патриотом и в условиях фашистского плена, повествуется в нем.

Книги Гарегина Севунца останутся жить. В них — живая душа большого и щедрого человека, таланта значительного и целеустремленного. Они лучшая память об ушедшем писателе.

Н. СЕРГЕЕВ

В. Шаталов и Г. Береговой.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

Македоний ФЕДОТОВСКИХ

Кто не верит, кто еще не верит
в нашу силу, волю и мечту?
Распахнув космические двери,
в солнечную вышли высоту.

Испокон веков о том мечтали,
бунтовали,
мучились,
дрались,
чтоб войти в нехоженые дали,
вырваться в стремительную высь.

Это — наш характер. Мы такие:
любим ширь,
кипение,
зенит!
Ленинская мощная Россия
позывными в космосе звенит.

Кто не верит, кто еще не верит
в нашу силу, волю и мечту?
Распахнув космические двери,
в новую шагаем высоту.

ПОЕЗД — НА ОРБИТЕ

На орбите искусственного спутника Земли была создана и функционировала первая в мире экспериментальная космическая станция, целый поезд с общей «жилой площадью» восемнадцать кубических метров!

Это — огромное достижение нашей науки и техники, которое трудно переоценить. «Звездоплавание нельзя и сравнивать с летанием в воздухе, — говорил еще Циолковский. — Последнее — игрушка в сравнении с первым...»

В свободном космическом пространстве действуют совсем иные законы, чем в пределах земной атмосферы. В чем их секреты?

Наш корреспондент Виктор Поповкин попросил доктора технических наук, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР профессора Г. И. ПОКРОВСКОГО прокомментировать последнее космическое событие.

— В чем основные трудности стыковки в космосе? Я имею в виду сам момент организации стыковки...

— Представьте, что вы идете по улице и видите человека, которого вам нужно догнать. Здесь все просто: вы увеличиваете скорость и с объективной неотвратимостью, насколько позволяют ваши собственные силы, догоняете.

Но так ли обстоит дело во время движения на околоземной орбите?

Трудности в стыковке возникают оттого, что пилотирование кораблей, маневрирование в космическом пространстве подчиняются совершенно иным закономерностям. Вы не можете «просто» догнать корабль или обогнать его в космосе. И это связано не с «физическими возможностями» двигателей, а с действием законов механики в необычных условиях, в неинерциальной системе координат.

— Но если два корабля выведены на одну орбиту и движутся в направлении один за другим, чтобы начать стыковку, нужно просто одному из них увеличить скорость и нагнать второй...

— Из этого ничего не получится! Если вы просто увеличите скорость, пытаясь нагнать корабль на околоземной орбите, вы неизбежно переходите на более высокую, отдаленную от Земли орбиту. А поднимаясь, вы теряете энергию и скорость — она становится меньше, чем вы нарастили ее вначале. Значит, чтобы обогнать корабль на орбите, используя законы механики, вы, как ни парадоксально это покажется, должны затормозить корабль! Тогда вы переводите этим корабль на более низкую орбиту, а на ней самопроизвольно происходит увеличение скорости. Догнав впереди идущий корабль за счет более быстрого движения по нижней орбите, вы обгоняете его — и теперь-то увеличиваете скорость! Корабль переходит на более высокую орбиту, которую расчетным путем вы можете совместить с основной, скорость его падает, и теперь он начинает «отставать», но уже впереди идущего корабля. Таким образом вы можете осуществить встречу на орбите.

— Можно ли объяснить это поподробней?

— На Земле у нас действует сила тяжести. Мы обладаем резервом энергии, который мы черпаем в поле силы тяжести. Например, поднимая и опуская тяжелый молот, мы то накачиваем, занимаем у Земли эту энергию, то расходуем, отдаем ее.

В космосе этого резерва энергии нет: сила инерции во время движения корабля по орбите компенсирует силу тяжести. Мы начинаем занимать и отдавать энергию в поле центробежных сил. Напряженность его растет по мере удаления от оси вращения. Силовые линии этого поля направлены по радиусам, исходящим от оси вращения, в нашем случае от

Прогулка по Москве. Евгений Хрунов, Алексей Елисеев, Светлана Хрунова, Владимир Шаталов, его дочь Лена и жена Муза, Лариса Елисеева.

Фото А. Моклецова (АПН).

центра Земли. Понятно, что плотность этих силовых линий больше по мере приближения к Земле, а значит, казалось бы, больше должна быть и напряженность этого поля. Так по крайней мере обстоит дело с гравитационным полем, то есть с полем тяготения Земли (за пределами ее массы). Но в том-то и суть, что центробежное силовое поле представляется нам полем с особыми свойствами: в отличие от поля Земли оно действует на нас внутри вращающейся системы.

Всякое вращающееся тело — даже если вы будете раскручивать обыкновенный мяч на веревке — несет на себе силовое поле центробежных сил. Центробежные силы растут по мере удаления от оси вращения. Чтобы вращающаяся система, например, корабль на орбите, оставалась неизменной, то есть чтобы корабль не уносило по спирали от Земли, нужно нейтрализовать, уравновесить центробежную силу. Эту привязку осуществляет сила тяжести, сила тяготения Земли. Увеличивая скорость корабля, вы как бы растягиваете эту привязку, но вместе с тем теряете скорость: вы переходите на большую орбиту, и даже сохранение линейной скорости означает здесь уменьшение угловой.

Но на любой орбите, во время устойчивого движения корабля по инерции, когда уравновешены силы гравитационного и центробежного полей, в корабле создается невесомость.

Кстати, можно и на Земле, в атмосфере, создать это состояние невесомости. Погасить действие силы тяжести в пределах земной атмосферы можно, например, за счет движения самолета по параболической траектории, когда самолет брошен вниз со скоростью падения. В этом случае сила инерции компенсирует силу тяжести.

— Должен ли учитывать законы механики космонавт, которому приходится выходить из корабля? Что будет, например, с ним, если он попытается прыгнуть вперед корабля?

— В этом случае его скорость окажется, естественно, больше скорости корабля. Но произойдет вот что. За счет увеличения скорости, как мы уже говорили, космонавт, если он не будет корректировать свое движение «ранцевым двигателем», перейдет на более высокую орбиту.

Если проследить его движение по новой орбите, то можно будет заметить следующее. Сначала космонавт немного обгонит спутник. После этого он быстро поднимется вверх и начнет резко отставать от спутника. Далее, через один оборот по орбите, космонавт вновь приблизится к прежней орбите, но на значительном расстоянии от корабля. При этом траектория космонавта образует петлю, и начнется дальнейшее отставание космонавта от корабля. Таким образом, осуществляется замечательный парадокс в неинерциальной системе координат: космонавт прыгает с корабля вперед и в результате оказывается безнадежно отстающим от корабля!

— Действительно, я уверен, что многие из нас даже не задумываются, не подозревают о существовании подобных сюрпризов на орбите! Ну, а если человек выпрыгнет «на ходу» из корабля назад! Или вбок от корабля!

— Если бы космонавт прыгнул назад, против движения, то он опустился бы несколько вниз — за счет уменьшения скорости — и далее стал бы интенсивно обгонять корабль.

Самый, пожалуй, счастливый исход ожидает его, если он решит выпрыгнуть вбок от орбитального курса корабля — все равно, вверх или вниз по отношению к Земле. Во время этого прыжка он описал бы петлю — соответственно позади или впереди корабля — и вернулся бы на свой корабль со стороны, противоположной той, откуда он начал свое движение в свободном пространстве.

Ясно, что все эти необычные закономерности в настоящее время приобретают особо важное, практическое значение. И они, конечно же, хорошо изучаются и осваиваются при подготовке к строительству и монтажным работам в космосе. И, разумеется, это все известно и испытывается космонавтами, которые на наших глазах вершат поистине фантастические дела — свободный выход в космическое пространство и стыковку кораблей на орбите!

— Какое значение придают ученые свершившейся стыковке кораблей на орбите!

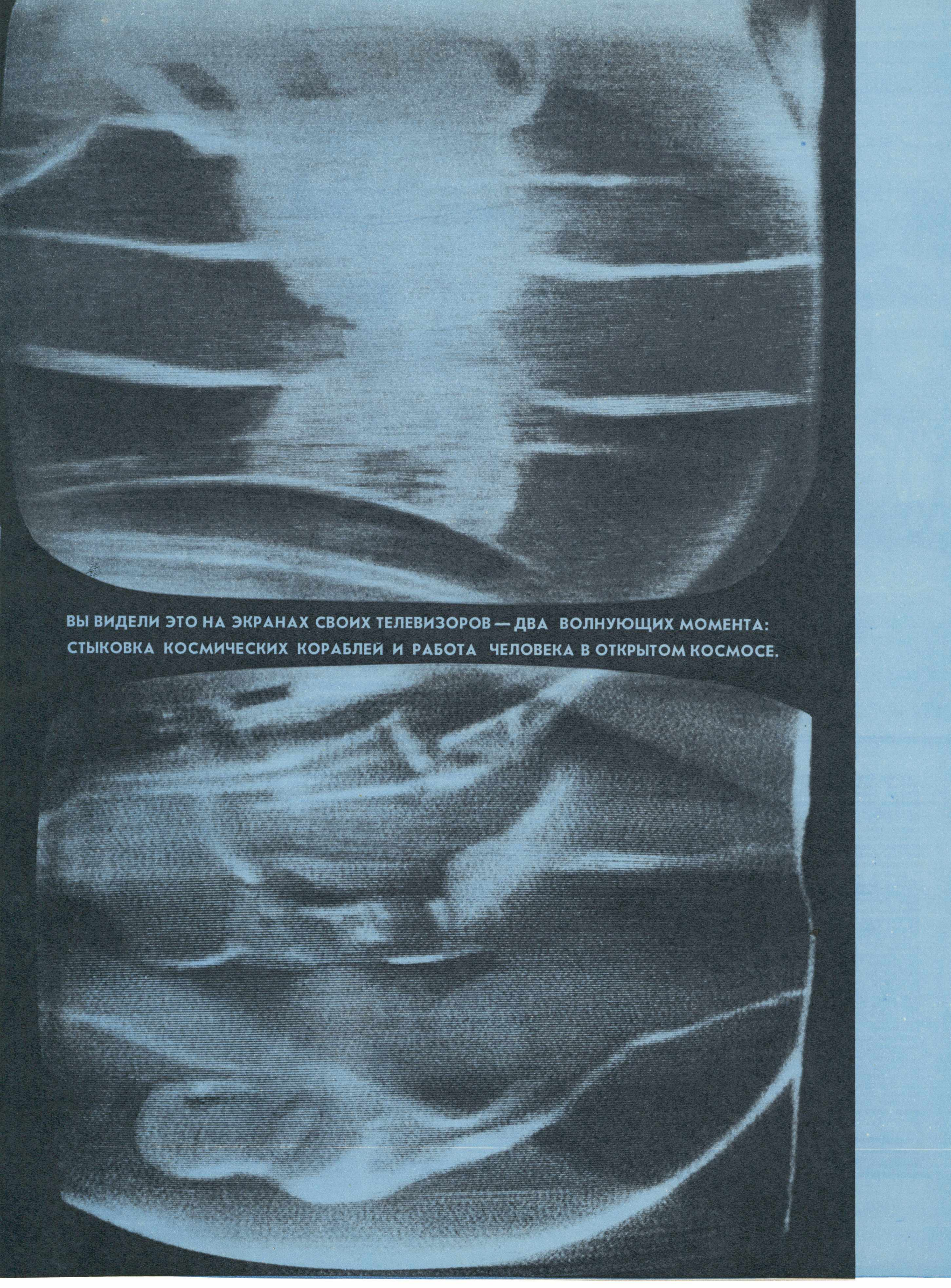
— Создание в космическом пространстве неподалеку от Земли орбитальных станций — это уже требование времени, требование сегодняшнего дня.

Трудно представить, чтобы та работа, которую предполагает свершить человек в космосе, была под силу одиночкам. Уже сегодня космос требует усилий больших коллективов людей, представителей самых разных специальностей. И без строительства крупных станций с нормальным рабочим пространством, со всем комплексом необходимой аппаратуры, со сложными системами длительного жизнеобеспечения и комфорта не обойтись.

Это будут и орбитальные лаборатории для ведения разносторонних научных исследований, для изучения погоды и космических излучений (что крайне затруднено в наземных условиях из-за наличия атмосферы). Это будут и околоземные обсерватории и монтажные мастерские. Это будет и база для комфортабельного отдыха людей и для проведения операций по спасению экипажей межпланетных кораблей во время возможных аварий.

Эти космические станции могут служить и отправной базой для старта более дальних космических путешествий: понятно, насколько это позволит нести большие запасы горючего, не расходуя его на преодоление земного притяжения.

Будущее — за космическими поездами и орбитальными станциями. И это будущее начинается сегодня!

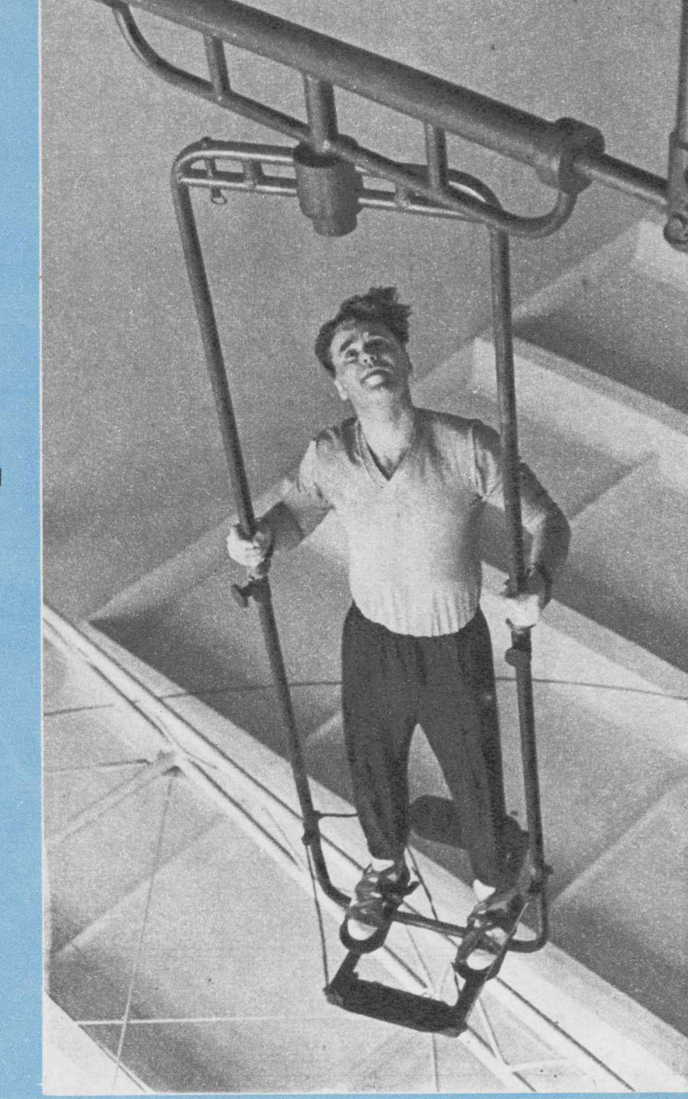

ВЫ ВИДЕЛИ ЭТО НА ЭКРАНАХ СВОИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ — ДВА ВОЛНУЮЩИХ МОМЕНТА: СТЫКОВКА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ И РАБОТА ЧЕЛОВЕКА В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ.

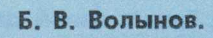
ТРУДНА ДОРОГА В КОСМОС. ТРЕНИРОВКИ. ИСПЫТАНИЯ. ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРУД.

А. С. Елисеев.

В. А. Шаталов.

Б. В. Волынов.

Е. В. Хрунов.

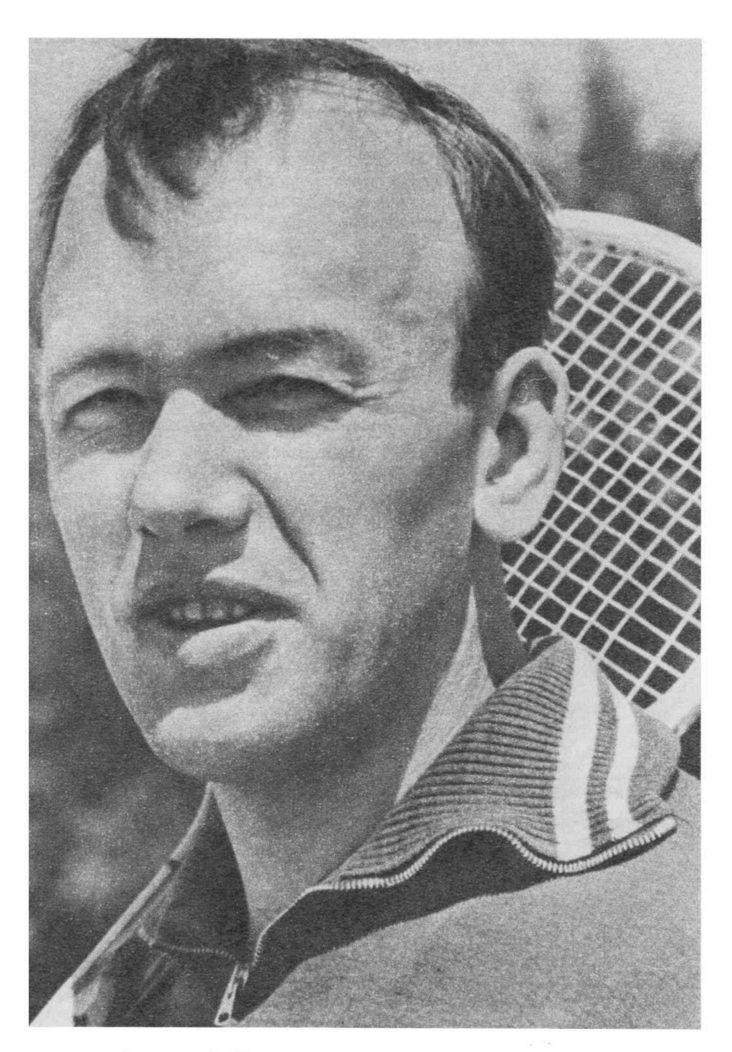
Фото А. Моклецова (АПН) и В. Черединцева (ТАСС).

Шаталовы...

КОСМОНАВТЫ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ

Дочь Б. Волынова Таня с папой дегустирует космическую пищу.

Мир славит советских космонавтов!

Алексей Елисеев на теннисном корте.

Фирменное блюдо Евгения Хрунова шашлык.

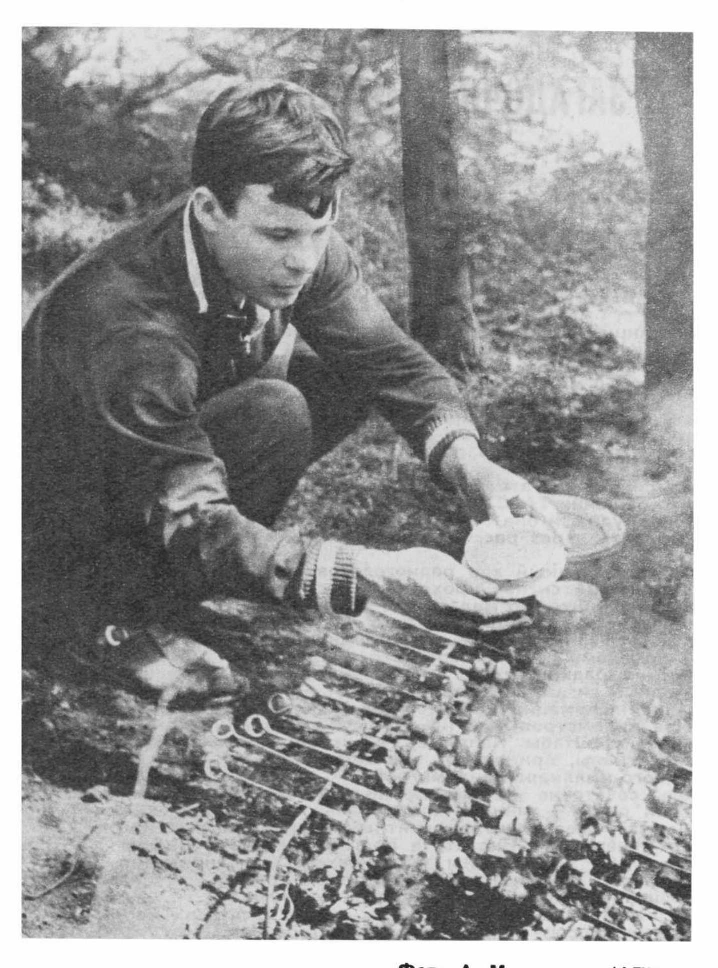

Фото А. Моклецова (АПН) и В. Черединцева (ТАСС).

И снова все человечество восхищено и потрясено космическими свершениями Страны Советов! На первых полосах газет всех стран, на телевизионных экранах и в радиопередачах обсуждается подвиг советских ученых и космонавтов, и у комментаторов еле хватает превосходных степеней для его описания. Корреспонденты Московского радио из английской и французской столиц передали для «Огонька» сообщения о реакции общественности на полет «Союза-4» и «Союза-5».

ЛОНДОН. Передает Владимир ДУНАЕВ.

Фильм Стэнли Кубрика «2001 год: космическая одиссея» на Западе назвали смелым полетом в будущее. Картина, поставленная по сценарию известного писателя-фантаста Артура Кларка, рассказывающая о платформах в космосе, о переходе экипажа из одного звездолета в другой, пользовалась шумным успехом в Соединенных Штатах Америки и Англии. И вдруг зал лондонского кинотеатра «Казино», где идет этот фильм, оказался наполовину пуст. Это случилось после 16 января, после «космического сеанса», длившегося дольше четырех часов — столько же, сколько демонстрируется кинолента Кубрика и Кларка. Советские звездолеты, образовавшие летающую платформу, показали на земных экранах захватывающую, фантастическую одиссею 1969 года.

— Что за удивительный народ эти русские! — воскликнул диктор Лондонского телевидения,— если они обогнали воображение ученых и писателей на шесть космических пятилеток!

Известие о старте «Союза-4» застало меня в Бирмингеме. Я попросил профессора Бирмингемского университета Сейерса, выдающегося специалиста в области электронной физики, прокомментировать эти события. Профессор был сдержан и просил обратиться к нему на следующий день. К тому времени в космос поднялась уже тройка Волынова, и Сейерс заговорил охотно и заинтересованно. А после создания первой в мире космической лаборатории я услышал восторженный голос Сейерса и других английских ученых по английскому радио. Они говорили «о революционном достижении русских», о том, что перед космонавтикой, астрономией, связью и даже геологией открываются теперь новые, фантастические возможности.

— Отныне и американцы могут летать смело, ведь в случае непредвиденных обстоятельств их спасет Советский Союз,— сказал известный английский астроном.

Наблюдения за нашим космическим кораблем вели в Англии все: от ученых до школьников. Учащиеся школы Керттеринга под руководством своего учителя Джоффри Пэрри создали свою обсерваторию и первыми в Англии приняли сигнал «Союза-4». А мировая знаменитость, директор радиоастрономической обсерватории «Джодрелл-Бэнк» сэр Бернард Ловелл заявил сразу же после стыковки наших звездолетов: «В области сборки лабораторий непосредственно в космосе СССР опережает Соединенные Штаты Америки на четыре года. Моя догадка,— сказал Ловелл,— что в середине семидесятых годов в среде исследования космического пространства американцы в сравнении с русскими будут выглядеть мелкой рыбешкой». Что же, сэру Бернарду виднее, тем более что он всегда очень сдержан в своих оценках.

Находясь за рубежом, особенно ощущаешь мировое воздействие научного и общественного подвига, совершенного нашими людьми — и теми, кто создавал и пилотировал «Союз-4» и «Союз-5», и теми миллионами, которые составляют экипаж «Союза-1917».

ПАРИЖ. Передает Лев КОРОЛЕВ.

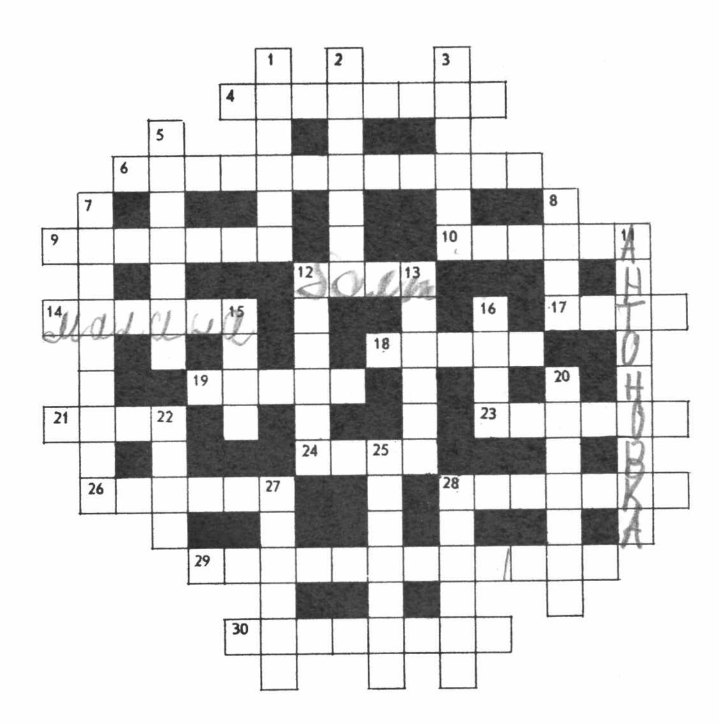
Я встретился с известным французским художником Жаном Эффелем, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», и попросил его сказать, что почувствовал он, когда узнал новость о завершении полета советских космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5».

— Я почувствовал себя,— сказал Жан Эффель,— очень гордым, так, как чувствует себя человек, когда узнает о замечательных достижениях своих друзей. Сердцем я принадлежу вашей социалистической родине, поэтому ее триумф в какой-то степени я считаю и чуточку своим. Я был горд, но не удивился героическому полету «Союзов», поскольку вы уже давно приучили мир к таким сюрпризам. Советским героям космоса я хочу сказать: «Мы восхищаемся вами как космонавтами, как выдающимися учеными социалистической страны, свершившими великий подвиг. Я лично не знаю вас, дорогие друзья, но я испытываю к вам огромную симпатию, и кто знает, может быть, наступит день, когда мне доведется пожать ваши руки. Здоровья и новых успехов вам, мои дорогие товарищи!»

Слова свои Жан Эффель проиллюстрировал рисунком, который помещен на 3-й странице обложки этого номера.

Другим моим собеседником в эти дни был Фернан Гренье, один из ветеранов Французской Коммунистической партии. Вот его слова:

— Блестящий космический полет «Союза-4» и «Союза-5» потрясает воображение и как научно-технический подвиг и как дерзание. Воображению даже трудно охватить границы этого великого свершения. Тысячи лет понадобились человеку, чтобы медленно, шаг за шагом, преодолеть ночь своей предыстории. Затем его знания и власть стали все быстрее распространяться на природу. Человек изобрел сталь, электричество, моторы, самолет, радио, электронику, сделал очень много других открытий. 12 апреля 1961 года мир был потрясен полетом Юрия Гагарина, который первым открыл людям захватывающий космический пейзаж. Так человек ступил на дорогу раскрытия тайн других планет. И это по плечу людям XX века. С каждым разом они летают все дальше и выше. Так поприветствуем же мужественных космонавтов Земли, идущих на мирный штурм неба. Воздадим должное тем, кто менее чем за полвека, несмотря на две страшные войны, из старой, бедной, полуграмотной России построил мощный Союз Советских Социалистических Республик, один из гигантов нынешнего мира, страну, не знающую безработицы, страну без монополистических спекулянтов, страну спутников и космических кораблей. Поприветствуем социализм, его вождя Ленина и последователей Ильича, которые на практике воплощают в жизнь нашу веру в лучшее будущее и счастье людей Земли. Слава верным сынам Советского Союза — товарищам Шаталову, Волынову, Елисееву, Хрунову! Пусть они примут от всех французов самые горячие пожелания счастья и успехов. Да здравствует нерушимая франко-советская дружба!

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Промысловая рыба. 6. Транспортное средство с холодильными установками. 9. Пояснение к пьесе. 10. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 12. Крепежная деталь. 14. Ягода. 17. Надпись в кинофильме. 18. Русский живописец-передвижник. 19. Курорт в Болгарии. 21. Часть шахтной печи. 23. Спутник планеты Нептун. 24. Опера Д. Верди. 26. Приток Вислы. 28. Выступ на ключе. 29. Офицерское звание. 30. Государство в Европе.

По вертикали: 1. Бечева, стягивающая концы лука. 2. Порт на берегу Тирренского моря. 3. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 5. Домашняя птица. 7. Прозрачный термопластичный материал. 8. Мера веса в различных странах. 11. Сорт яблок. 12. Сплав меди с различными элементами. 13. Солома льна и конопли. 15. Скотовод в Монголии. 16. Площадка для игры в теннис. 20. Наборная машина. 22. Музыкальный интервал. 25. Река в Австралии. 27. Народный поэт Дагестана. 28. Советский хирург и онколог.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. Зеленоградск. 7. «Громобой». 10. Шадрин. 11. Танкер. 13. «Муму». 16. Пуща. 17. Стереотип. 18. Жаворонок. 20. Крот. 21. Поти. 23. Фарлаф. 25. Гексод. 26. Геология. 27. Аппассионата.

По вертикали: 1. Перрон. 2. Агроном. 3. Мамонт. 5. Салака. 6. «Айвенго». 8. Аристотель. 9. Антарктика. 12. Курага. 13. Майкоп. 14. Уссури. 15. Свиток. 19. Область. 20. Крокет. 22. Обелиск. 24. Фрегат. 25. Гривна.

●

На последней странице обложки: «ВСТРЕЧА НА ОРБИТЕ».

Рисунок художника-фантаста **Андрея Соколова.**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 7/I-69 г. А 00310. Подписано к печ. 22/I-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 196. Заказ № 25.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЭРА ОРБИТАЛЬНЫХ СТАНЦИЙ

Николай СОКОЛОВ

Вновь и вновь пространство рвут ракеты.
Вновь и вновь в космической дали,
пробивая путь к иным планетам,
мчатся представители Земли.

Затаив восторженно дыханье,
смотрит в телевизоры Земля:
отыскав друг друга в мирозданье,
обнялись два русских корабля.

Невесомость, сила радиаций,
вечный холод — все теряет власть.
Эра сборки орбитальных станций
в космосе открытом началась!

Встретились четыре звездных брата
и одним созвездьем пронеслись.
Верны их космические карты,
крепко сердце, выверена мысль...

1929 год. Семейный выезд Шаталовых на мотоцикле собственной конструкции. На руках у матери — Володя Шаталов. Будущему космонавту было тогда два года.

Из семейного альбома.

●

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

СНОВА К ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ...

В. И. СИФОРОВ,
член-корреспондент АН СССР

Первые приближенные сведения, полученные после четырех полетов автоматических станций к загадочной сестре Земли, только разожгли интерес ученых к планете тайн — Венере. Эти сведения необходимо было расширить и уточнить, что стало возможным сегодня после запуска «Венеры-5» и «Венеры-6», снабженных новой научной и измерительной аппаратурой.

Автоматическая станция «Венера-5» выведена на расчетную траекторию, и полет ее к Венере будет продолжаться более 4 месяцев. Станция достигнет планеты в середине мая 1969 года, пролетев по траектории расстояние порядка 250 миллионов километров, и осуществит плавный спуск в ее атмосфере. Исследование атмосферы Венеры предусматривается производить в течение всего времени снижения станции.

«Автоматическая станция «Венера-6» должна произвести плавный спуск в атмосфере на ночной стороне планеты так же, как и станция «Венера-5». Совместный полет двух межпланетных станций даст возможность определить параметры атмосферы в различных районах планеты»,— говорится в сообщении ТАСС.

Задача достаточно трудна, и она осложняется тем, что накопленную информацию надо передать через расстояния в десятки миллионов километров.

Через разноголосый и мощный хор радиоголосов нашей Галактики должен пробиться слабенький сигнал крохотного космического аппарата. Энергия этого сигнала ничтожно мала: ваше усилие, потраченное на перевертывание журнальной страницы, во много раз больше, чем энергия такого сигнала. У Земли он ослаблен в сотни миллиардов раз, искажен всевозможными помехами и, как говорят специалисты, «соизмерим с уровнем галактических радиошумов». Вот почему для расшифровки такого сигнала необходимы гигантские чаши антенн.

Эффективная радиоинформация на огромных расстояниях в десятки и сотни миллионов километров уже не смущает советских ученых. Им по плечу и бо́льшие масштабы. Например, в экспериментах по радиолокации Юпитера сигналы, принятые и расшифрованные на Земле, прошли путь более одного миллиарда километров.

За последние годы советские ученые упорно работают над новыми системами космической связи — такими, как использование квантовых генераторов, которые излучают электромагнитные волны чрезвычайно узким пучком. В свою очередь, в Институте проблем передачи информации Академии наук СССР разработаны такие методы декодирования получаемых из космоса сигналов, которые значительно сокращают время операций по расшифровке слабых кодированных сигналов.

Мы уверены, что взволновавшие мир полеты новых советских космических аппаратов в мае месяце принесут вести, которые, в свою очередь, взволнуют и обрадуют наших ученых.

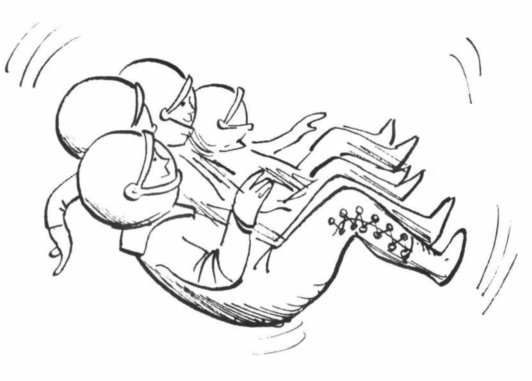
Jean Effel

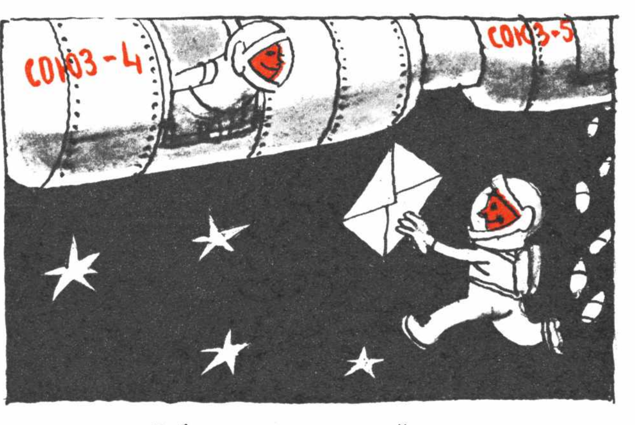
ДЛЯ „Огонька"

В ЧИСТОМ НЕБЕ

— Что они делают?
— Играют в «Союз-четыре» и в «Союз-пять».

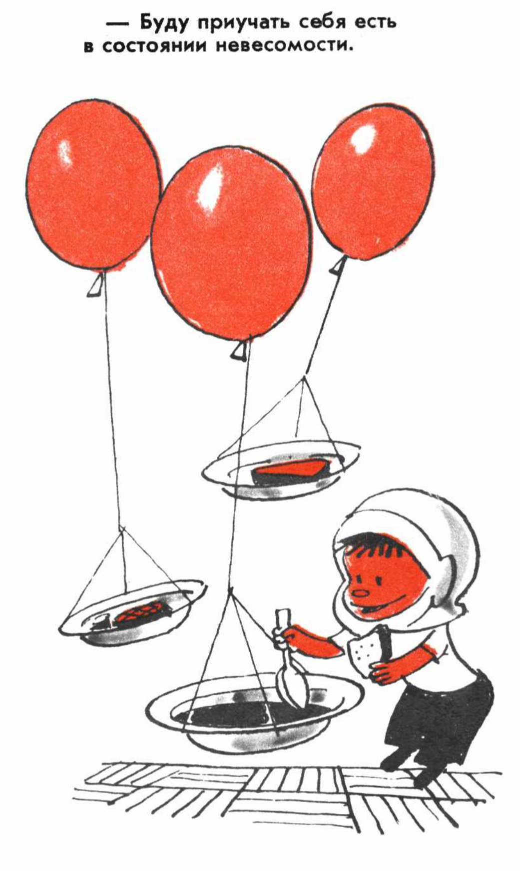
Рисунок Жана Эффеля.

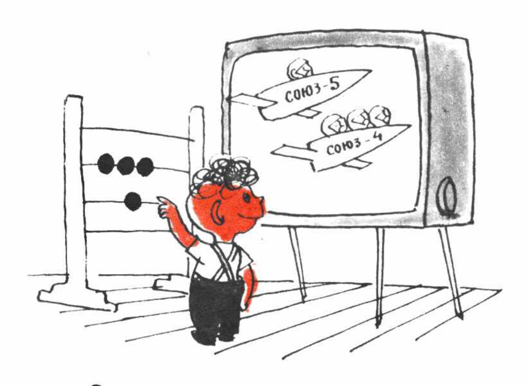
— Тебе передают земной поклон.

— Буду приучать себя есть в состоянии невесомости.

Снова невесомость...

Рисунок А. Грунина.

— Спрашивается, сколько космонавтов осталось на корабле «Союз-5»?

Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663